

КОЛЛЕКТИВ АВТОРОВ

ВОЕННЫЕ
ПОВЕСТИ И
РАССКАЗЫ

Константин Михайлович Симонов
Юрий Яковлевич Яковлев
Валентин Петрович Катаев
Лев Абрамович Кассиль
Военные повести и рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69607732

Дорогие мои мальчишки:

ISBN 978-5-08-007019-8

Аннотация

Трудно Капке Бутырёву: отец на фронте, мама погибла при первых налетах фашистов, Капка, как и многие его друзья, работает на заводе, а дома хозяйничают две сестренки.

Трудно и юнгам, переведенным на Волгу из осажденного Ленинграда. Фашисты и здесь не дают им спокойно постигать морскую науку.

Да что говорить! Всем трудно: война... А все же легче, когда вместе объединишься против врага. И помогают в этой борьбе Три Великих Мастера – Амальгама, Изобар и Дрон Садовая Голова.

Перед читателем – удивительно светлая и жизнеутверждающая, полная веры в Победу повесть Л. Кассиля, написанная в 1944 году.

Для среднего школьного возраста.

Содержание

Лев Абрамович Кассиль	4
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	25
Глава 5	34
Глава 6	43
Глава 7	53
Глава 8	60
Глава 9	67
Глава 1 0	71
Глава 11	80
Глава 12	91
Глава 13	97
Глава 14	109
Глава 15	120
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Военные повести и рассказы

Лев Абрамович Кассиль Дорогие мои мальчишки

© Кассиль Л. А., наследники, 1944

© Ермолаев А. М., наследники, иллюстрации, 1944

© Оформление серии. АО «Издательство «Детская литература», 2023

*Светлой памяти
Аркадия Петровича ГАЙДАРА*

Глава 1

Тайна страны Лазоревых Гор

Так как в своей жизни я сам не раз открывал страны, которых не нанесли на карту лишенные воображения люди, то меня не слишком удивило, когда мой сосед по блиндажу, задумчивый великан Сеня Гай, признался мне, что открыл Синегорию – никому не ведомую страну Лазоревых Гор. Там он и свел дружбу с прославленными Мастерами-синегорцами Амальгамой, Изобáром и Дрбóном Садовая Голова.

С техником-интендантом Арсением Петровичем Гаем я познакомился на краю света летом 1942 года, когда плавал на Северном флоте. Гай был здесь синоптиком одного из военных аэродромов Заполярья, пожалуй самого северного авиационного стойбища мира. Место это обозначено на карте, но нам от этого было не легче. Мы бы скорее предпочли, чтобы немцы считали, будто этой маленькой каменистой площадки, острозубых скал и мшистых сопок вообще нет на свете. Может быть, нас тогда оставили бы в покое...

Полярный круглосуточный день не давал нам ни сна, ни отдыха. Нас бомбили с утра до вечера, а утро в этих краях началось недель пять назад и до вечера надо было ждать еще не меньше трех месяцев. Раз по десять в сутки нам приходилось залезать в щели, а над головой взлетали обломки расколотых валунов, градом сыпались пластинки шифера.

По сигналу «воздух!» Сеня бросался снимать с маленькой вышки полосатую матерчатую колбасу – длинный сачок для ловли ветра, – хватал термометр и еще какие-то приборы, и всегда бывало так, что являлся он в укрытие последним, когда все уже кругом ухало, трещало и сыпалось.

– Сегодня, кажется, дают на все двенадцать баллов, – негромко ворчал он и, роясь в каких-то прихваченных им бумажках, тихонько мурлыкал про себя песенку, которую я уже не раз слышал от него:

И если даже нам порой придется туго,
Никто из нас, друзья, не струсит, не соврет.
Товарищ не предаст ни Родины, ни друга.
Вперед, товарищи! Друзья, вперед!

Я знал, что Сеня Гай между делом пишет стихи. И вообще мне было известно о нем все, что может быть известно о человеке, с которым уже две недели живешь в одном блиндаже. А с Гаем мы быстро сошлись. Оба мы были волжане и наверняка знали, что нет на свете реки лучше, чем наша Волга. До войны Арсений Петрович Гай изучал направление и особенности ветров в волжском низовье, где летом всегда дует горячо и засушливо. Был он прежде учителем в средней школе, потом работал с пионерами. Он мог часами рассказывать увлекательнейшие вещи о погоде, о засухе, об изменчивых течениях воздуха. Он знал все ветры наперечет и обычно свой рассказ заключал фразой: «Мы всё еще изу-

чаем направление ветров, а задача состоит в том, чтобы повернуть их». И, сказав так, он снова брался за свои кальки, планшетки, карты и вычерчивал какие-то сложные кривые, напевая под нос:

Отца заменит сын, и внук заменит деда,
На подвиг и на труд нас Родина зовет!
Отвага – наш девиз, – Труд, Верность и Победа!
Вперед, товарищи! Друзья, вперед!

– Это о каком же таком девизе вы распеваете, Сеня? – спросил я однажды у него, когда мы лежали рядом в укрытии и треск зениток, уханье бомб стихли настолько, что можно было уже разговаривать.

– Это в нашей Синегории... Ну, кажется, отбой. Пойду шар-зонд запущу, верхние слои прошупаю.

Так я впервые услышал о синегорцах. Естественно, мне захотелось узнать больше. Однако, когда я пробовал расспрашивать Гаю, этот большой, широкоплечий, гро моздкий человек со свежим мальчишеским лицом смущался, отнекивался, обещал каждый раз рассказать при случае все подробно, но откладывал дело со дня на день.

Меня очень влекло к Арсению. Я чувствовал, что ласковая и веселая тайна Гаю очень дорога ему, и был осторожен в расспросах, не торопил, не настаивал. Срок моей командировки на Север истекал, пора было собираться в Москву, но мне было жаль расставаться с Гаей: я очень привязался

к нашему синоптику. Если выпадали свободные часы и не было налета, мы бродили с ним по сопкам, лазили на скалы, пугая птиц. Гай показывал мне места, где весной бывают птичьи базары, определял по положению валунов направление древних ледников, рассказывал об особенностях полярной карликовой березки-стланки и оленьего мха ягеля, в котором глохли наши шаги. Гай много знал и умел обо всем рассказать по-своему, неожиданно; все вокруг – и мох, и валуны, и облака открывали ему свои секреты, и казалось, что даже нелюдимая природа Заполярья доверяет Гаю и считает его своим человеком.

Ему часто приходили письма. Я видел на конвертах старательно выписанный адрес: «ВМПС № 3756-Ф» – и заметил раз в уголке одного письма что-то вроде герба, никогда не виданного мною ни в одной геральдике: по светлому полю выгибалась радуга, и ее пересекала стрела, повитая плющом.

Однажды пришел Гаю подарок – кисет и маленькое скромное зеркальце с крышкой, как у блокнота. И на кисете и на крышке был тот же герб со стрелой и радугой. А вокруг герба было выведено нечто вроде девиза: «Отвага, Верность, Труд, Победа».

– Вот, – сказал Гай, давая мне полюбоваться подарком, – не забывают меня у Лазоревых Гор. Синегорцы – народ верный. Это, конечно, Амальгама сообразил... Синегорчики мои дорогие! – И он улыбнулся скрытно и застенчиво.

Потом осторожно отобрал у меня зеркальце, погляделся

в него, потер коротко стриженную голову и, заметив, что я хочу что-то спросить, опередил меня.

– Ладно, ладно, – сказал он, – расскажу. Придет время – и расскажу.

Он, видимо, хотел поближе узнать меня и пока не считал еще достаточно созревшим, чтобы делить со мной свою тайну. Но я после этого разговора немножко осмелел и, когда Гай снова получил письмо, уже сам спросил:

– Ну, что в Синегории слышно? Как поживают сине-горцы и этот... как его... Альбумин?..

– Амальгама, – чуть усмехнувшись, но тотчас снова став серьезным, поправил меня Арсений.

– Нет, правда, откуда же это письмо и кисет?

– Из Синегории... Откуда же еще?

И лишь в день моего отъезда, когда я уже завязывал свой рюкзак, Арсений Петрович, закончив составление сводок всем, кто заказывал погоду, сказал мне:

– Улетаете сегодня?.. Ну что ж, хотите, я расскажу вам напоследок? Только, чур, не перебивать меня. Хотите слушать, так уж слушайте и принимайте все на веру...

Мы сидели с ним у землянки, где помещалась метеостанция. Ночью сильно штормило. Море в заливе было темно-сиреневое после дождя и не совсем еще уходилось. Радуга гигантской семицветной скобой охватила небо, одним своим полупрозрачным концом слегка врѣзалась в горизонт и казалась потому совсем близкой. Истребители прошли под

радугой, как под огромной воздушной аркой. В капонирах¹, сложенных из камней, укрытые ветвями, притаились самолеты-штурмовики. Под навесом с маскировочной сеткой летчики играли в «козла» и громко стукали о стол. Они играли молча и только крякали, когда с размаху выкладывали подходящее очко. В одной из ближних землянок запустили патефон. Песня была про золотые горы, про реки, полные вина, которые певец отдал бы за чей-то ласковый взор, – на, бери все, не жалко, только люби... И оба мы – Арсений и я – вздохнули вместе, хотя и каждый о своем.

– Ну ладно, – начал Арсений, – давайте расскажу.

¹ Капони́р – оборонительное сооружение для ведения огня в двух противоположных направлениях.

Глава 2

Сказание о Трех Мастерах

– Была некогда такая страна – Синегория, – начал свой рассказ Гай. – И там, у Лазоревых Гор, жили работающие и веселые люди – синегорцы. Путешественники из дальних стран приезжали сюда, чтобы полюбоваться Лазоревыми Горами, отведать чудесных плодов, которые в изобилии зрели тут, и приобрести несравненной чистоты зеркала, а также знаменитые мечи, острые и прочные, но столь тонкие, что стоило повернуть их ребром, и они делались невидимыми для глаза. Плоды, зеркала и мечи Синегории славились на весь свет, и кто же не знал, что именно тут, у подножия горы Квипроквб, живут Три Великих Мастера – славнейший Мастер Зеркал и Хрусталя ясноглазый Амальгама, искуснейший оружейник Изобар и знаменитый садовник и плодовод, мудрый Дрон Садовая Голова! Могучие руки Изобара легко гнули самое толстое железо, но могли сплести и тончайшую кольчугу. Он ковал и мечи и плуги, а дети синегорцев играли затейливыми погремушками, которые мастерил для них добрый оружейник. Дрон Садовая Голова выращивал виноград, крупный, как яблоки, и яблоки, огромные и тяжелые, словно арбузы. В садах его цвели розы и лилии невиданной красоты. От аромата их люди веселели, как от самого крепкого вина. Но больше всех синегорцы любили Великого Мастера Амальга-

му. Он отливал стекло, в гранях которого всеми семью своими цветами жила радуга, а зеркала славного Мастера обладали таинственным свойством сохранять в своих глубинах солнечный свет и излучать его в темноте. Причем тончайшие лучи, если перебирать их пальцами, пели, будто струны арфы. Все любили Мастера, ибо люди в Синегории были красивы и зеркала мало кого огорчали, а дети радовались семицветным зайчикам, которые целыми стайками спрыгивали с зеркал Амаль гамы.

Но потом случилось так, что долгие годы ни один путешественник не мог проникнуть в Синегорию. Жестокие бури преграждали путь кораблям, желавшим приблизиться к острову. Лишь одному смелому мореплавателю и его отважным товарищам удалось наконец пробиться на корабле к берегам Синегории. Но, когда корабль бросил якорь и усталые путешественники сошли на землю, они не узнали некогда веселой и цветущей страны, где прежде не раз вкушали сладкие плоды, дышали веселящим ароматом цветов, фехтовали легкими невидимыми мечами и разглядывали себя в хрустальных зеркалах...

Пустынно было на улицах. Хлопали ставни и распахнутые настежь двери домов. Ветер, ни на миг не унимаясь, выл в переулках, свистел в печных трубах, как злая собака трепал и рвал одежду людей. А люди шли сгибаясь, словно низко кланялись ветру, и деревья гнулись к самой земле. Ветер мёл сухие листья по испорошенной земле, и ниоткуда не доноси-

лось ни аромата цветов, ни детского смеха, ни пения птиц. Только скрипучий жестяной визг слышался отовсюду.

Это гремели, крутились на всех крышах вертушки флюгеров.

«Что произошло у вас?» – спросили у жителей озадаченные путешественники.

«Разве вы не знаете? – отвечали им. – Нас разорили ветры... Все пошло на ветер».

И путешественники узнали, что страной завладел злой и глупый король, который жил на соседнем острове. Звали его Фанфарон.

Король Фанфарон был человек крайне легкомысленный. Он ходил расфранченный в пух и прах и в конце концов пустил все свое состояние по ветру. И в народе стали говорить, что король продулся, у короля ветер в голове, король болтун и что ни скажет – всё на ветер. И это было справедливо. Поэтому ветры всего света решили, что Фанфарон – самый подходящий для них, самый ветреный в мире король. Они слетелись на остров и стали уговаривать Фанфарона:

«Хочешь, мы развеем все печальные мысли твои, о король, мы раздуем твою славу на весь свет?»

«Дуйте!» – сказал глупый король.

И ветры стали хозяйничать в стране. Власть захватил Тайный Совет Ветров. Всем жителям было приказано поставить на крышах флюгера, чтобы всем и каждому было видно, куда ветер дует. Под страхом смерти жители обязаны были держать двери раскрытыми настежь. Сквозняки проникали в дома через все двери, окна и щели, подхватывали каждое слово и доносили его Фанфарону. Специально назначенные королем начальники Печной Тяги следили за тем, чтобы люди не закрывали выюшками трубы своих очагов. Король окружил себя ветродуями и ветреницами. Первым министром и, по сути, правителем страны стал главный придворный Ветрочёт, хитрый Жилдабыл, продувная бестия. Король наградил его знаком Опахала, цепью Большого Вее-ра и высшим отличием – «Розой Ветров».

Три славных Мастера были схвачены королевскими ветродуями и доставлены на остров. Дрону Садовая Голова разрешили выращивать лишь одуванчики. Оружейнику Изобару приказали мастерить флюгера, одни лишь флюгера – ничего больше. А славному Амальгаме велели перебить все зеркала и больше никогда не отливать их, ибо король был крайне безобразен лицом и не раз уже бывало, что, посмотревшись в зеркало, он в ярости разбивал его. Ветры же нена-

видели вообще всякие стекла, потому что они мешали дуть в окна.

А злой, алчный Жилдабыл запретил зеркала, чтобы люди не могли сами разглядеть, как иссушили их ветры. И Великого Мастера, зеркала которого были жилищем света и красоты, заста вили теперь быть поставщиком мыльных пузырей. Король Фанфарон очень любил пускать мыльные пузыри, а Мастер Амальгама знал секреты особых составов. Он подмешивал их в мыло, и король выдувал пузыри невиданного размера, серебристые, зеркальные. Они взлетали высоко и лопались не сразу. Но Амальгама знал, что все равно это дело лишь на полминуты, ибо искусство долговечно только тогда, когда человек с любовью вложил в труд всю свою вольную душу...

Глава 3

Зеркало и ветры

Гай прервал свой рассказ и вынул из кармана трубку. Я тоже достал свою, угостил Гая морским табаком – «капитанским». Мы закурили. И Арсений Петрович продолжал:

– Тяжелые времена настали в Синегории. Злые ветры иссушили поля и сады; где шумели прежде леса, там теперь громоздился бурелом, где благоухали розы, все заросло бурьяном и трын-травой. Только ветры были в трубах да гремели жестяные флюгера. А король пускал мыльные пузыри, слушал, как верещат на крышах вертушки да рывкают духовые оркестры, и любовался облетающими одуванчиками.

Тем временем у Дрона Садовая Голова выросла дочь Мельхиора, в тысячу раз более прекрасная, чем самая лучшая лилия, которая когда-то украшала цветники Дрона.

И ясноглазый Амальгама, томившийся в сумрачном замке, полюбил ее. Глаза Мельхиоры напоминали ему радугу, смех ее похож был на хрустальный звон лучей, отраженных зеркалом.

И девушка тоже полюбила Мастера за его лучистые глаза, за светлую голову и солнечный нрав. Дрон Садовая Голова скрывал дочь от короля, но сквозняки пронюхали об этом и донесли Фанфарону.

«Фью-фью! – присвистнул Фанфарон, увидав, как пре-

красна Мельхиора. – Я и не знал, что старый садовник утаил от нас свой лучший цветок... Почему бы твоей дочке не стать моей придворной ветреницей?»

Красавица в ужасе отшатнулась от жадного урода.

Король понимал, что Мельхиора никогда не полюбит его, и потому пустился, по совету Жилдабыла, на хит рость. Он знал, что во дворце нет ни одного зеркала, Мельхиора никогда не видела своего лица и даже не по дозревает, как она хороша. И Фанфарон приказал всем, кто окружал прекрасную дочь Дрона Садовая Голова, говорить ей, что она чудовищно уродлива. Отныне придворные, встречая Мельхиору, отворачивались якобы от ужаса и омерзения, а король пользовался каждым удобным случаем, чтобы сказать ей:

«Видишь, как я добр! Я, король, могучий повелитель Ветров, предлагаю тебе свою любовь и зову тебя стать моей ветреницей. Смотри, все отворачиваются от тебя – так ты безобразна. Но у меня доброе сердце, я помню заслуги твоего отца и не брезгаю тобой. Соглашайся же, быть может, я сделаю тебя королевой».

Но Мельхиора продолжала упрямо отвергать любовь короля.

«Неужели я так безобразна? – в тоске спрашивала она у Амальгамы. – Как же ты полюбил меня?»

«Ты прекрасней всех на свете, поверь мне, – говорил ей Амальгама, – и я готов повторить это где угодно, хотя бы ветры и разорвали меня за такие слова. Ах, если бы у меня было

хоть одно из моих зеркал, я бы дал тебе поглядеть в него, и ты сама не могла бы насмотреться на себя!» Но Мельхиора нигде не могла увидеть своего лица. Когда она выходила на улицу, король приказывал ей закрывать лицо покрывалом, чтобы народ не пугался ее уродства. «Взгляни в мои глаза, – говорил ей Амальгама. – Разве ты не видишь, как ты хороша?»

«Нет, – отвечала Мельхиора, – я вижу в твоих глазах только любовь, которая заслоняет все и так же слепит меня, должно быть, как и тебя, и больше ничего не вижу».

«Тогда пойди к пруду и посмотришь в него – вода скажет тебе правду!» – воскликнул Амальгама. И прекрасная Мельхиора побежала к пруду. Она наклонилась над его зеркальной поверхностью и стала смотреть на свое отражение. Но один из ветров тотчас же прилетел сюда и принялся дуть на воду. Зеркало воды зарябило, и прекрасные черты Мельхиоры безобразно исказились. Она в ужасе отпрянула, закрыв лицо руками. «Да, король прав, я действительно уродлива до крайности. Должно быть, Амальгама полюбил меня только из жалости». Однако ей захотелось еще раз и окончательно убедиться в своем безобразии.

«Если я так уродлива, ваше величество, – сказала она королю, – то почему бы вам не помочь мне самой убедиться в моем уродстве? Разрешите Мастеру Амальгаме изготовить лишь одно, хотя бы самое маленькое, зеркало».

Король не знал, что ответить. Он был не очень-то умен

и догадлив, этот повелитель Ветров. Но хитрый Жилдабыл опять подсказал ему совет.

«Заставь его отлить неверное стекло, – сказал Ветрочёт королю. – Пусть она полюбуется на себя в кривом зеркале».

Король позвал Амальгаму и сказал:

«Говорят, что ты очень скучаешь без своих стекол, Мастер. Я разрешаю тебе отлить одно зеркало, но только это зеркало должно быть кривым, и каждый, кто взглянет в него, пусть увидит себя в самом смешном, непривлекательном виде. И чем красивее человек, тем пусть страшнее выглядит он в зеркале. Пусть нос его перекосится и встанет поперек лица, глаза вылезут на щеки, рот расплзется до ушей, а уши повиснут, как у собаки».

«Нет! Никогда! – отвечал Амальгама. – Мои зеркала не могут кривить душой перед лицом истинной красоты».

Король разъярился:

«Ты посмел ослушаться моего приказа! Ты хочешь попасть в вентилятор?... Эй, ветродуй! Взять его!»

«Погоди... Сперва дай мне подумать», – сказал Амальгама.

Он помолчал несколько минут, потом, словно решившись и глядя своими ясными глазами в лицо короля, промолвил:

«Ладно, пусть будет по-твоему, я сделаю такое зеркало».

«Но не вздумай хитрить, – предупредил его король. – Сперва я сам взгляну в зеркало и проверю его на себе».

Амальгама пошел к себе в мастерскую, раздул огонь под

горном, поставил тигель. Он отливал стекло три дня и три ночи. Еще три дня и три ночи гранил и шлифовал его. И он изготовил зеркало, лучше которого никогда еще не делал. Потом он доложил королю, что работа готова. Король посмотрел на зеркало сбоку и сказал:

«Я не замечаю, чтобы поверхность его была кривой».

«В этом-то и весь секрет, ваше величество, – ответил Амальгама. – С виду это обыкновенное стекло. Не угодно ли посмотреться в него?» Король взглянул на себя в зеркало, и так как был он несказанно безобразен, но уже много лет не видел себя в зеркале, то захохотал от восторга:

«Ты молодец, Мастер, я награжу тебя знаком Опахала! Ну и коверкает же человека твое зеркало! Смотри – нос поперек лица, глаза вылезли на щеки, рот растянулся до ушей, и уши висят, как у собаки. Слава богу, что это лишь кривое зеркало».

И, уже ничего не опасаясь, Фанфарон приказал явить ся Мельхиоре.

«Я выполнил твою просьбу, Мельхиора, – сказал король. – Вот самое правдивое зеркало, его сделал твой друг Амальгама. Взгляни в него и согласишься, что я говорил тебе правду». – Так сказал король посмеиваясь.

Но едва Мельхиора взглянула в зеркало, она отшатнулась и закрыла рукой глаза, не сразу поверив им.

«Теперь, надеюсь, ты убедилась, какова ты?» – спросил довольный король.

«Да, теперь мне известно, какова я», — тихо произнесла Мельхиора и снова приникла к зеркалу, не в силах оторваться от него.

«То-то же, — сказал король. — Ну, теперь ты не будешь больше упрячиться».

И, повеселев, король позвал придворных и велел им всем глядеться в зеркало.

Министры и вельможи, ветродуи и начальники Печной Тяги смотрелись в зеркало и отплеывались:

«Ну и рожи у нас получаются в этом стекле!» Им и невдомек было, что Амальгама изготовил зеркало совершенно прямое и верное. Только хитрый Жилдабыл заподозрил что-то неладное. Он схватил зеркало, внезапно поднес его к лицу Амальгамы и увидел, что Мастер отражается в стекле таким же ясноглазым, каким он был на самом деле.

«Смотрите, ваше величество, — завопил Жилдабыл, — негодяй обманул вас! Он изготовил зеркало с коварным свойством: наши лица и прекрасный лик самого короля стекло уродует, а лица Мастера и этой упрямицы оставляет неискаженными».

«Ну, не миновать теперь тебе вентилятора!» — сказал Мастеру взбешенный король. Он хватил зеркалом о каменный пол с такой злобой, что стекло брызнуло во все стороны, и стал топтать осколки.

Королевские ветродуи схватили Амальгаму. Его бросили в темный подвал, куда не проникало ни искорки света.

На другой день ослушника судил Совет Ветров.

«Признаёшь ли ты себя виновным?» – спросил король.

«Я виновен только в том, – гордо отвечал Мастер, – что всю свою жизнь не искажал прекрасного, не скрывал уродства, не льстил безобразию и говорил людям правду прямо в лицо».

«В вентилятор его!» – закричал король.

«В вентилятор!» – повторили ветры.

Это была самая лютая казнь.

Амальгаму заключили в высокую башню одной из стен замка. Казнь была назначена на утро.

Глава 4

В поисках Синегории

Гай замолк.

– Что же случилось дальше? – спросил я нетерпеливо.

– Прекрасная Мельхиора... – начал было Арсений.

Но тут сигнальщики закричали: «Воздух!» У командного пункта взвыла сирена. Под навесом посыпались со сто ла кости домино. Румяная подавальщица Клава промчалась мимо нас к щелям укрытия, опережая всех. – Клабочка, самовар поспел, бежит! – крикнул кто-то из летчиков. Клава выскочила из укрытия, схватила горевший яркой медью самовар – гордость аэродромной столовой – и, как ни фыркал он, как ни плевался, утащила его под скалу.

Немцы шли от солнца. Крылатые тени ударили нас по глазам. Ды-ды-ды-ды!!! – оглушительно зачастили счетверённые пулеметы. Даранг-даранг-даранг! – задержались скорострельные зенитки.

Мы едва успели пробежать до щели, как над нами, переходя с тонкого свиста на тошнотворный вой, что-то просверлило воздух и, покрывая все тяжким, стопудовым обвалом, ахнулось оземь на аэродроме. Потрясенная округа долго не могла прийти в себя, и каждое ущелье спешило скорее сбить подалеже этот ужасный, не вмещающийся в мире гром. Только мы подняли головы, как земля снова судорожно забилась

под нами, и стало темно от взброшенных к небу камней. И в эту минуту я увидел, как Арсений Гай вскочил и, сгибаясь, побежал к своей землянке.

– Я сейчас... термометр снять... – Ложись!.. Поздно... Бомба рассадила до основания скалу возле метеорологической станции. Когда мы подбежали туда, на мху и расщепленных бревнах блестели капли ртути. Я бросился на колени, подвел руку под тяжелое, большое тело Гая, лежавшего ничком, повернул его лицом к себе.

Он посмотрел на меня словно очень издалека, губы его разжались, но зубы оставались стиснутыми, и сквозь зубы, чуть слышно, он проговорил:

– Если доведется... встретите если... зеркало...

Он попытался нашарить карман на груди, но пальцы у него свело, и рука на полпути вывернулась ладонью вверх. Я осторожно вынул у него из кармана гимнастерки зеркальце, раскрыл, приложил ко рту Арсения. Стекло не замутилось. Зеркальце оставалось ясным. И говорить больше было не о чем.

Злой ветер, мы знаем, из какого гнезда прилетел ты, злой, черный ветер, чтоб унести на своих желтым крестом меченых крыльях жизнь нашего синоптика... Комкая в стиснутых кулаках пилотки, молча стояли вокруг летчики и бойцы батальона обслуживания. Тихо плакала, уткнувшись в передник, подавальщица Клава. А полярное бессонное и немигающее небо смотрело сверху на нас, и все окрест было та-

ким же, как и пятнадцать минут назад. Но мне показалось, что и море, и сопки, и скалы – все, что было перед этим таким знакомым, теперь облеклось в сумрачную тайну, которую нам было уже не разгадать без нашего Гая.

В разбитом блиндаже все было искромсано и опалено. Я нашел лишь обрывок начатого письма:

«Привет вам, славные синегорцы, привет тебе, прилежный Изобар, здравствуй, солнечный Амальгама, добрый день, Дрон Садовая Голова. Как живете, дорогие мои ма...»

Мы похоронили Арсения Петровича Гая на вершине одной из сопки. Могилу подкопали под большим валуном, похожим на дремлющего белого медведя. Камень, выбранный нами в надгробье Гаю, был надежным: никакая фугаска не свернула бы такую махину. Клава обложила могилу серебристым мхом ягелем. На валуне большими буквами написали: «Арсений Петрович Гай». А я нарисовал на камне герб страны Синегории: радугу и стрелу, повитую плющом.

Я срисовал это с треснувшего зеркальца, которое взял себе на память об удивительном человеке Арсении Гае и тайне его, которую он унес с собой в могилу.

Через час мне пришлось улететь. С тяжелым сердцем покидал я аэродром, где остался лежать под каменным белым медведем Сеня Гай – добрый великан из страны Лазоревых Гор. Так и не узнал я, что же стало с Мастером Амальгамой и красавицей Мельхиорой.

Потом я вернулся в Москву, занимался своими делами, но у меня не выходил из головы Арсений Гай и его рассказ, конец которого я не успел дослушать. Мне подумалось, что надо будет рассказать об этой истории по радио, и тогда, может быть, откликнутся люди, знающие, где находится Синегория и как найти мне славных Мастеров. Сделать мне это было нетрудно. Я работал на радио и раз в месяц собирал за Круглым Столом разных интересных людей. Тут были и знаменитые артисты, и герои-воины, и прославленные мастера заводов, и известные писатели. И каждый рассказывал у микрофона что-нибудь занятное, интересное. И вот я тоже рассказал однажды об Арсении Петровиче Гае и о трех его неведомых Мастерах из страны Лазоревых Гор.

Не прошло и недели, как я получил письмо из волжского города Затонска:

«Уважаемый Председатель Круглого Стола! Добрый день!

Привет Вам от синегорцев Рыбачьего Затона. Мы слышали передачу, как Вы говорили по радио о нашем славном родоначальнике товарище Гае А. П., который пал смертью храбрых на фронте. Мы знаем дальше о Трех Мастерах. Если, конечно, это Вас интересует. Приезжайте к нам в Затонск.

Мы еще можем сообщить Вам много всего для рассказов за Круглым Столом. Только не забудьте захватить то зеркальце.

Отвага, Верность, Труд, Победа!

По поручению синегорцев – *Амальгама*». (Подпись и герб синегорцев.)

Обратного адреса в письме не было, других подписей также не оказалось. И я подумал: уж не подшутил ли кто надо мною?..

Недавно я был на Волге, в своих родных краях. У меня выкроилось немного свободного времени, и я решил съездить на денек в Затонск. Сойдя с парохода, я отыскивал дом для приезжих. Конечно, комнат свободных не было. Мне дали койку в номере на несколько человек. Я оставил чемодан и пошел в горсовет, чтобы узнать, где находится Дом пионеров; там уж наверное слышали об Арсении Петровиче, и я, может быть, выяснил бы все, что мне требовалось. В горсовете мне дали нужный адрес, но сказали, что пионеров я застану позже, пообещали к вечеру устроить отдельный номер в гостинице, а пока что я решил погулять по городу.

Городок был небольшой и всем обликом своим очень напоминал тот, в котором я сам вырос. И, хотя я был в Затонске первый раз, мне все казалось тут уже знакомым: и пески на Волге, заросшие ивняком, меж ветвей которого с легким звоном ветер нес песчаные струйки, и акации вдоль кирпичных тротуаров, и горбатые землечерпалки в Затоне, и базар с каланчой.

Лазоревых Гор я нигде не заметил. На левом берегу Волги вообще горы встречаются редко – луговая здесь сторона. А

ветер действительно дул не унимаясь, горячий, сухой ветер Заволжья.

Когда я вернулся к себе, мой сосед по комнате, сидевший на своей койке, роясь в толстом портфеле, сообщил, что мне есть письмо. Я увидел на своей подушке хитро сложенный ромбиком пакетик и, развернув его, прочел:

«Синегорцы знают, что Вы прибыли, и приветствуют Вас в своем городе. Добрый день, с приездом. Отвага, Верность, Труд, Победа!

Привет, Амальгама»

И внизу стоял значок синегорцев – оплетенная вьюнком стрела, положенная на радужный лук. Я утомился с дороги и лег вздремнуть. Когда я проснулся, внимание мое невольно привлекло что-то, настойчиво мелькавшее по потолку. Я поднял глаза кверху и увидел светлое радужное пятнышко, оббегающее карниз комнаты, прыгающее на потолок и снова соскальзывающее на стены. Сперва я не придал этому никакого значения, но потом зайчик заинтересовал меня. Я заметил, что он делает правильные круги по потолку и останавливается на запыленной люстре, висюльки которой вспыхивали при этом красными, фиолетовыми, оранжевыми и зелеными огоньками. Слегка задержавшись на хрустальных подвесках люстры, зайчик снова спрыгнул на стену.

Я встал с постели и выглянул на улицу. Зной плыл над ней. Запыленная трава пробивалась сквозь унылый булыжник, и против окна, на другой стороне улицы, стоял под ака-

цией паренек в пионерском галстуке с толстой папкой под мышкой. Увидев меня, он отдал салют, потом показал мне издали что-то красное, сверкнувшее у него в руке, спрятал этот предмет в карман и снова отсалютовал. – Это ужас глядеть, до чего дети распустились! – проворчал мой деловитый сосед, приподнявшись на своей койке. – Буквально драть бы следовало, да некому... Я вот тебе! – погрозил он в окно. – По твоему возрасту люди в настоящее время знаешь уже какие дела делают? А ты в кошки-мышки балуешься. Еще пионер...

Мальчуган, словно бы не слушая его, смотрел на меня во все глаза. А глаза у него были огромные; казалось, что от них самих сейчас побегут солнечные зайчики. Я крикнул ему из окна:

– А ну, довольно там тебе мешком солнышко ловить! Так, что ли, в песенке поется? Заходи!

Мальчишку словно ветром сдуло. Затопали, застучали внизу деревянные стукалки-сандалии, и я еще не успел дойти до двери, как за ней раздалось:

– Можно?

– Прошу пожаловать.

Вошел мальчик, небольшой, очень худенький, но стройный, светлоглазый, в выгоревшей тюбетейке на макушке.

– Здравствуйте. Это я вам сигналил.

– Что же это ты мне сигналил?

– Вызов давал. – И он внимательно, испытующе посмот-

рел мне в лицо. Затем продолжал чуточку с недоверием: – А разве вы сигнал не знаете, у вас нет с собой зеркала?

Тогда я что-то понял и предъявил свое заветное зеркальце.

– Значит, Отвага и Труд? – сказал я.

– Верность и Победа! – откликнулся он.

– Так это ты мне писал?

– Я, – сказал он, чуть покраснев, но продолжая глядеть мне прямо в глаза.

– Стало быть, ты и есть Амальгама?

Он кивнул головой:

– Я тоже. Но только вам Арсений Петрович про другого говорил. Вот тут все написано. – И он протянул мне большую папку, завязанную тесемочками. На ней красовался цветной герб синегорцев.

Я развязал папку, открыл ее и на первом листе прочел крупный заголовок:

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ГОРОДА ЗАТОНСКА

Составлено Валерием Черепашкиным,

учеником 5-го «А» класса средней школы г.

Затонска.

«В окрестностях нашего города было всегда полно неископаемых сокровищ», – прочел я далее и перевернул страницу. Мне бросились в глаза строки: «По-моему, кто не любит свой город, где сам родился и вырос, так города, где другие родились, он совсем уж не полюбит. Что же он тогда, спра-

шивается, любит на земле?» Обратил я внимание еще на одно место, подчеркнутое внизу той же страницы:

«Великие люди из нашего города пока еще не выходили, но, может быть, они уже родились и живут в нем».

«Кажется, недаром приехал я сюда», — подумалось мне.

И я не ошибся. Действительно, я провел в Затонске не один день, а целых двадцать. Я выяснил не только, чем кончилась история Трех Мастеров, но узнал еще очень много интересного. Обо всем этом я написал в повести, которая и начнется, в сущности, лишь со следующей главы, называющейся:

Глава 5

Утро делового человека

– Капка!

Капка не шевелился.

– Капка, время уже...

Он не отзывался. Ему было не до того. Он ничего не слышал. Лёшка Дульков был перед ним, долговязый Лёшка, по прозвищу Ходуля, и его следовало проучить раз и навсегда, чтобы знал, чтобы помнил. Да, раз и навсегда!

«Но-но, легче! Не имеешь права физически!» – сказал Лёшка, отодвигаясь.

«А дело делать на шаляй-валяй у тебя есть право? Манкировать² у тебя откуда право взялось? Я тебя отучу манкировать!» Манкировать – это было новое модное словечко у мальчиков Рыбачьего Затона.

«Я не манкирую, – сказал Лёшка. – Сами брак даете, а Дульков отвечает. Тоже не разговор».

«Нет, ты скажи, совесть у тебя имеется? По твоей милости мы с *самолета* на *паровоз* перешли. А сейчас нас на *велосипед* пересаживают, на общий смех. Так и до *улитки* недалеко!» «Можешь словами высказываться, а насчет рук – это оставь, говорю. Ну, слышь, Бутырёв?..» Капка ударил левой.

² Манки́ровать – здесь: небрежно относиться к чему-либо.

Он был левша, и это было его преимуществом в драке. Противник не ожидал удара с этой стороны. Ходуля покачнулся и сказал:

«Не имеешь полного права! Попробуй только еще раз!» Капка попробовал еще раз. Хорошо ударил, сильно ударил. Все видели: он маленький, а не боится длинного.

– Капка, время! – кричала ему в ухо сестра Рима и тормошила его.

Он не слышал, он ничего не слышал. Он расправлялся с Лёшкой, этим лодырем Лёшкой, этим всем надоевшим, все дело портившим Лёшкой.

«Что, получил? На́ еще! Мало? На́! Будешь? Прими за это! Сыт?» Он услышал, что сестра подсказывает что-то насчет времени.

Да, такое время, а этот Лёшка срамит всех ребят. И вот вчера они еще были на щите в первой графе, на *самолете*, а сегодня уже по вине Лёшки еле держатся на *паровозе*, а того и гляди, их перенесут в пятую графу, под *велосипед*.

– Капитон, довольно тебе, хватит спать! Время уже.

– А ну тебя, Римка, вот пристала!.. Уйди. Мм... Вот как встану, да...

Все стало уплывать куда-то вбок, порвалось, как в кино, когда происходит обрыв ленты.

Капка открыл один глаз. Над ним склонилась старшая сестра Рима.

– Уйди, Римка, уйди ты!.. Всегда ты доглядеть толком не

даешь! Видишь, человеку снится чего-то, можешь обождать!

Капка со злостью посмотрел на сестру одним глазом и попробовал открыть второй. Но глаз не открывался. Вот еще неприятность! Это все вчерашняя история. Конечно, это он подстроил, Лёшка. Парни со Свищёвки сами бы не полезли.

Да, дело было совсем не так, как сейчас при снилось. Еще бы: он был один, а их трое.

Капка отвернулся от сестры и украдкой пощупал глаз.

Эге, вот так гуля! Здорово запух. Наверно, заметно будет.

Глаз медленно приоткрывался, словно и на свет смотреть не хотел. И верно, мало хорошего на свете, товарищи, особенно если вас так стукнуть.

– Мойся, Капка, да садись поешь, я сейчас лепешек дам. С вечера тесто ставила.

– Некогда мне твоих лепешек дожидаться, и так чуть не проспал. Говорил, вовремя буди! – Капка старался не поворачиваться к сестре правой скулой.

Рима ушла в сени. Он вскочил с отцовской кровати, вытащил из-под матраца аккуратно сложенные, чтобы прогладились за ночь, брюки, пошел умылся. Глаз не то чтобы болел, но ныл легонько.

Проснулась маленькая Нюшка, села на кровати:

– Я уже поспала... Рима, а лепешки будешь печь? Мне сколько дашь?

– Иди умойся сперва! – крикнула из сеней сестра.

– А почему Капка не умывался?

– А я умылся.

– Ну да, а у самого под глазом черное совсем.

– Ньюшка, битой будешь, предупреждаю! – пригрозил вполголоса Капка.

– Не мылся, не мылся!

– Да раз не отмывается, – проворчал Капка. – Это кислотой попало.

Вошла с чайником Рима:

– Капка, глаз-то, вот так да! Это как же?

– Сказал, кажется, ясно: кислота. Ну, мне идти время.

– Глаз-то смотрит? – озабоченно спросила Рима, заглядывая в лицо брату.

Капка прищурил здоровый глаз и посмотрел ушибленным.

– Глядит. Полная видимость.

– Ты хоть в зеркало взгляни, какая у тебя видимость!

– Некогда мне по зеркалам смотреть, это твое занятие главное.

– Да, а у самого вон что я вчера подобрала, из кармана выпало.

Капка увидел в руках у сестры маленькое зеркальце-книжку. Он подскочил к Риме:

– Дай сюда сейчас же и запомни на всю свою жизнь, что хватать его никто тебя не просит. Учти это для твоей же пользы.

– Ну, с левой ноги встал! – сказала Рима.

Капка промолчал. Он налил в кружку кипятку и стал сердито макать туда пригорелый сухарь. Маленькая Ньюшка, то-ропясь, напяливала на себя платице, путалась в рукавах, никак не могла выпростать голову и, зная, что брат спешит уйти, тыкалась изнутри в материю, лезла с вопросами:

– Капка, а когда ты мне фырчалку, чтобы сама крутилась, починишь? Ты обещал.

– Ладно, сделаю. Погоди.

– Ньюшка, – послышался из сеней голос Рима, – ты в тесте ковырялась? Кто же это у меня разворочал все тут?

– Рима, я правда не лазила, ей-правду, не лазила! – заспешила Ньюшка, выбравшаяся наконец головой из ворота.

– Это, может, я, – признался Капка, уткнувшись в кружку.

– Кто же тебя звал туда лазить?

– Это я ночью на глаз лепешки клал вроде примочки.

Горело очень. Я клал сперва тряпку мокрую, а она больно быстро сохнет; а тесто хорошо: долго сырое. Я хотел обратно потом в квашню, да заснул.

– И не совестно тебе? Муки и так нет, а он...

– Чего ты привязываешься сегодня ко мне все утро! – рассердился Капка. Он был не в духе. – Уйду вот от вас в обще-житие, и существуйте тут одни без меня. Не дадут человеку поестъ толком! – Капка, нагнувшись, собрался было утереть рот углом скатерти, но Рима выдернула ее из-под рук. – Обойдусь без твоих лепешек, не помру.

Он встал и большими пальцами обеих рук заправил складки гимнастерки под пояс назад, поправил пряжку с буквами «РУ».

– Капка, – попросила Рима, – ты поколи дров мне, а я воды наношу. Постираться хочу сегодня. Да, еще тетя Глаша вчера примус принесла. Иголка застряла, а у тебя магнит есть. И от Маркеловых костыль притащили. К ним сын вернулся, перекладинка отскочила. Ты почини, Капа.

– Ладно, вечером, как с работы приду, сделаю. Ну, где дрова? Давай колун, да живей, а то опоздаю.

Рима разжигала чурки, сложенные на шестке под маленьким таганком³. Она чиркнула зажигалкой, из-под пальца метнулись остренькие искры, похожие на раскаленные гвоздочки. Щепки были сырые, не разгорались.

– Стой, дай-ка сюда, – сказал Капка, увидев зажигалку. – Это ты откуда взяла?

– Лёшка дал, Дульков.

– Так, – промолвил Капка и положил зажигалку в карман.

– Капитон! Это, кажется, не тебе подарили.

– Ты-ы-ы, – с уничтожающим презрением проговорил Капка, – привадила долговязого! Надо иметь все-таки понятие, у кого берешь!

– Не знаю я всех ваших делов.

³ Таганок – от таган – металлический обруч на трех ножках, служащий подставкой для котла или чугуна при приготовлении пищи на открытом огне.

– «Делов»! Семилетку кончаешь, а говорить, как правильно, не знаешь.

– Ну дел, все равно.

– Нет, не все равно. Он в Затоне у нас медь ворует, на базаре чиркалками торгует. Гнус он, спекулянт вредный, а ты его приваживаешь.

– Ну и не твоя забота!

Капка, который был уже в сених, вернулся, медленно пошел к сестре. Маленький, плечистый, он смотрел на красивую рослую сестру снизу.

– А чья же еще забота? Скажи! Ну? Отец что наказывал, когда уезжал? Ты это помни. А с сюрпризом этим простись.

Он вынул из кармана зажигалку, пальцем провернул колесико, зажег, плюнул на огонь, повертел перед лицом Рины и сердито сунул в карман.

Вскоре со двора слышались глухие удары. Это Капка колот дрова. Дрова попались сырые, суковатые, осина. Колун застревал, поленья разваливались нехотя, со скрипом. Но Капка, рассадив с размаху толстый чурбак, вогнав клин колуна по самую середину, по-мужичьи ухая, ловко разваливал самые кряжистые и упрямые поленья.

Но вот дрова переколоты. Нюшка подобрала приглянувшиеся ей щепочки.

– Рима, я пошел.

И Капка, надев фуражку и шинель, перепоясавшись поверх хлястика кушаком с латунной бляшкой, отправился в

Затон на свой Судоремонтный.

Глава 6

«Испытайте ваши нервы»

День был свежий, с Волги дул резкий ветер. Еще не подсохла весенняя грязь. На пустыре стояли большие лужи. В них отражались тягучие облака и синие просветы неба.

Из одной лужи пила курица. Попив немного, она всякий раз закидывала вверх голову, словно каждый глоток заучивала наизусть. Капка присвистнул и испугнул курицу. Она шахрахнулась, растопыря крылья. Капка прошел через пустырь. В стороне остался школьный сад. Галочки гнезда темнели в еще сквозной путанице недавно обзеленившихся ветвей. За кирпичной оградой сада, чем-то крайне обеспокоенные, галки то и дело срывались стаями с деревьев и, крича, носились над парком. В саду пропела какая-то незнакомая дудка. «Что это, пионеры, что ли? – подумал Капка. – Не похоже что-то. Рань такая, и галки разорались...»

Потом ветер донес сдвоенные удары колокола. Звон был тоже незнакомый. Капка даже приостановился, вслушиваясь. Будто склянки бьют, как на пароходе. А с пристаней сюда не слышно. Но Капке было некогда разузнавать, что все это значит. Ему надо было еще заглянуть на базар. Капка свернул в переулок, а потом перешел на другую сторону, чтобы не проходить близко от сада, где жила презлющая старуха и не менее злопамятная собака. Отношения с обеими у

Капки были испорчены еще с давней поры.

Но собака и старуха уже заметили спешившего по другой стороне Капку. Пес сварливо залаял, гремя цепью, ходившей по проволоке. Пес бегал, проволока гудела, словно трамвай шел. А старуха, грозя колючим кулаком через палисад, кричала Капке издали: – Иди, иди сторонкой! Знаем мы вас, так и зыркают глазами, чего бы такое схватить!

Капка шел, не глядя в эту сторону и как бы не слыша крика. Соседка, выйдя из своей калитки, успокаивала старуху:

– Это ты, Митриевна, напрасно. Что ты его костеришь? Они, ремесленники, ребята старательные.

– Уж я знаю, какие старательные, – не унималась старуха. – Вчера, скажи, глянуть не успела, а вот такой же «старательный» мигом полотенце с веревки и сдернул. А тоже при фуражке, и пуговицы казенные. Да сам здоровый такой, цельный мужик ростом, а как припустился!

(«Проклятый Лёшка! Верно, это он побывал тут!»)

Вот и базар. Час был ранний, народ пока только собирался. Длинные тени тянулись от возов. Базар еще был чистым, не замусоренным. Ветер гнал пучки сена между пустовавшими пока рядами. Но уже сидел близ дороги рябой, коротко стриженный слепец, вперив свой незрячий взор в поднимавшееся солнце. Слепца окружали тихие бабы. Одна из них качала головой в такт словам слепого, который медленно водил пальцами по выпуклым знакам на странице гадальной книги.

– Ожидается ему вскоре подполнение жизни, – говорил

певучим голосом слепец, — и выходят ему при большой награде благополучные обстоятельства.

— А сам-то живой, здоровый? — спрашивала баба.

— Книга на сие отвечает, что можете иметь надежду и судьба придает счастливое свидание, если не выйдет исход фортуны.

И, слушая эти туманные предсказания, кивала бедная баба головой и крестилась:

— Ну, слава тебе господи! Спасибо, дорогой.

Уже хлюпала где-то, пиликая и подтягивая, шарманка. Эвакуированный из Ялты чистильщик сапог уже успел развернуть свой полотняный зонт с фестонами над высоким стулом красного бархата и присел на скамеечке подле ящика, на котором под деревянным следом был звонок, что было новинкой в Затонске. Мальчишки молчаливой толпой окружали чистильщика, который уже прошелся алой бархоткой по сапогам какого-то лейтенанта, хлопнул щеткой о щетку, перевернув, сложил их и, ударив по рычажку звонка, возвещая конец сеанса, небрежно бросил скомканную трешку в ящик, снова звякнув при этом.

Но Капке некогда было любоваться работой мастера, хотя только что на красный бархатный трон взошел человек в ярко-желтых, совершенно желтых ботинках и мальчишки замерли, предвкушая роскошное зрелище.

Встретился лоточник, веселый, разбитной, как всегда изумивший Капку своим красноречием. Удивительно легко и

гладко получалось у него: «Имеется, граждане, курительная бумага на закурку для махорки, марки почтовые, закладки для женского персонала, годится бумажка на оберточку для пудры и для других надобных целей, марки кому угодно, художественные открытки с видами роз и цветов». Но не до цветов и видов было Капке. Не остановился он и у замечательного сооружения, около которого сидел интеллигентный старичок в соломенной шляпе. Полукруглый циферблат венчал высокую деревянную колонку, дрожала стрелка-егоза, висели зеленые провода, висели по бокам две ручки, какие бывают на детских скакалках. И надпись гласила: «Испытайте ваши нервы». А снизу была прибита еще одна дощечка, и на ней значилось: «Аппарат изобретен Эдисоном, безвреден для здоровья. Только один рубль».

Конечно, это было очень соблазнительно. Всего лишь один рубль! Чистая выгода: всего лишь за один рубль узнать, какова у тебя выдержка и на что ты годишься. Но Капка не остановился и здесь. Ему предстояло в этот день более серьезное испытание нервов, чем на аппарате Эдисона, вполне безвредном для здоровья.

Капка отправился туда, где сбывали с рук всякие случайные вещи. Здесь какие-то темные личности в некогда военных стеганках и пилотках без звездочек торговали махоркой, пробками к электрическим счетчикам, примусными иглами, телеграфными фарфоровыми роликами. Здесь можно было купить случайно щипцы для завивки волос, старый

велосипедный насос, ванночку для промывания негативов, спиральку для электрической плитки, старый пугач и всякий иной ржавый технический хлам.

Прежде Капка частенько заглядывал сюда в поисках нужной гайки или шурупа, которого недоставало в сложном Капкином хозяйстве. Руки у Капки были золотые, и он сам вечно мастерил то детекторный радиоприемник, то флюгер с вертушкой, то чинил звонок, исправлял керосинку «Грец» или какой-нибудь другой аппарат домашнего обихода. Но сегодня Капка зашел сюда не как покупатель. Долговязого Лёшку, позор и несчастье всей бригады, Лёшку Дулькова хотел поймать тут с поличным Капка Бутырёв – вожак фронтовой бригады ремесленников, которая недавно еще значилась в графе под *самолетом* на доске соревнования, а сегодня из-за проклятого Лёшки едва не оказалась под *велосипедом*.

Известно было, что Лёшка Дульков в свободное время слонялся здесь, на базаре, промышляя чем попало, от срезанного им где-то выключателя до зажигалок, которые он искусно мастерил из краденной на заводе меди.

Вчера, когда щит соревнования, выставленный на заводском дворе, окончательно обесславил Капкину бригаду, с Лёшкой было крепко поговорено на собрании в самом высоком стиле и затем растолковано в более крепких выражениях за воротами завода. Лёшка прикинулся больным: и так, мол, он пострадал на производстве – у него нарываёт палец, поврежденный резцом. Он заявил, что уйдет на бюллетень.

И действительно, палец у Лёшки распух и потемнел, потому что он его чем-то искусно растравил. И вот теперь Капка был уверен, что встретит здесь своего нерадивого бригадника. Так и вышло. Капка сразу увидел в толпе долговязую фигуру не по годам вытянувшегося Лёшки Дулькова.

Но Лёшка тоже сразу заметил своего бригадира и, выхватив из рук оторопевшего покупателя новенькую зажигалку, живо упрятал ее под полу шинели и пытался скрыться в толпе.

Капка бросился за ним и быстро настиг.

– Дульков, что так спешишь?

Дульков остановился, не оборачиваясь, посмотрел через плечо на маленького Капку.

– А чего мне спешить, я на бюллетене. Палец, понимаешь, нарываёт. Всю ночь, понимаешь, дергало так, прямо терпежу нет.

– Да ну-у? – иронически протянул Капка.

– Вот тебе и «ну». Доктор говорит, придется, понимаешь, вскрытие делать.

– Вскрытие только покойникам делают, – мрачно сказал Капка, – а ты еще заметно живой. Я лично еще не замечал, чтобы покойники зажигалками торговали.

– А кто торговал? Ты видел? Докажи.

– Ох и гнус же ты, Лёшка! – медленно, негромко, от всего сердца сказал Капка и пожалел, что дело происходит не во сне, где можно было бы дать волю рукам.

Он отвернулся, чтобы не глядеть на долговязую, нескладную фигуру Лёшки, не видеть его маленьких нагловатых, а сейчас с деланой обидой моргающих глаз.

– Чего вы ко мне все прицепляетесь! – заговорил Лёшка своим писклявым, очень не вяжущимся с высокой фигурой голосом. – У меня и так покоя нет, палец донимает, а тут еще ты привязался, как болячка! Ну вас, на самом деле! *Отец, отец, оставь угрозы...*

Лёшка Дульков любил неожиданно щегольнуть литературным оборотом речи. Для этого применялись им ни к селу ни к городу подписи под иллюстрациями в собрании сочинений Лермонтова. Самой книги Лёшка, конечно, не читал, но то, что было напечатано под картинками, запало ему в голову, и, надо не надо, он пускал в ход: *Вы странный человек!.. Так вот все то, что я любил!.. О други, это мой отец...* „Мне дурно“, – проговорила она... *Блеснула шашка. Раз, – и два! И покатила голова...* Ходуля вполне обходился этими познаниями.

– Слушай, Лёшка, – произнес Капка, и голос у него был такой, что Лёшка сразу замолк. – Слушай, Лёшка, я не доктор, болячки твои под микроскоп класть не собираюсь, но только скажу тебе, чтобы ты сегодня же был у места, а не то жить тебе на свете будет очень даже тошно. Это я тебя честно предупреждаю.

– Не ты ли уж мне эту повесточку прислал? – сказал вдруг Лёшка, вынимая из-за пазухи скомканную бумажку и рас-

правляя ее.

Капка увидел в уголке бумажки радужный лук и стрелу. Он плотно сжал свой маленький крепкий рот.

– Какие-то еще синегорцы мне грозятся, про то да се пишут, корят, стыдят... *«Мне дурно»*, – *проговорила она...* Нечего незнайку строить!.. Твоих рук дело, ваша браш# как работает?

– Стану я на тебя бумагу тратить! – сказал Капка. – И ты мне зубы не заговаривай, Лёшка. Чтоб был на заводе, и всё. Да, погоди, – остановил он двинувшегося было Лёшку. – Ты вчера у сестры, видно, забыл, так возьми. – И он протянул ему зажигалку, взятую у Римы. – Твоя?

– Ну моя, – пробормотал Лёшка.

– На, забирай, – сказал Капка, – и не приваживайся.

Ходуля в нерешительности повертел в руках свою зажигалку, не зная, спрятать ли ее скорей в карман, или еще поломаться немножко.

– Взял бы, – протянул он, – пригодится все-таки. *Вы страннный человек!..* – добавил Лёшка напыщенно.

– Обойдемся, – ответил Капка.

Тут Лёшка впервые за весь разговор рискнул посмотреть Капке в лицо, заметил с удовольствием отек под глазом и не удержался.

– *Висит скелет полуистлевший, из глаз посыпался песок*, – сказал он насмешливо. – Зачем тебе зажигалка, когда свой фонарь под глазом! Где это тебе колотовка была? Аж

закуривать можно.

Капка до хруста сжал кулаки. Эх, если бы он не был бригадиром...

– Давай, Дульков, про то не будем, – глухо проговорил он, – а то как бы на тебя самого не отсветило.

– А я тут при чем? Докажи.

– Я на тебя не доказываю, – спокойно сказал Капка. – Ты свое знаешь, и я свое знаю.

– Ну вот, оба знаем – и хорошо.

И они разошлись: Лёшка – в одну сторону, Капка – в другую. Он не видел, как из толпы вынырнули трое парней и подошли к Ходуле.

– Чего он? – спросил один из них, с изрядно вспухшим носом.

– На завод велел идти.

– Так ты же на бюллетене.

– Мало ли что. Грозился чего-то, верно, прознал.

– А чем докажет?

– Это верно. А здорово, видно, ему вчера вклеили! Глаз-то как чугунок.

– Это его Бирюк так.

– Я, – скромно признался тот, кого называли Бирюком.

Губа у него была рассечена. На лбу справа набрякла хорошая шишка: верно, Капке вышло вчера под левую...

Они не видели, как сторонкой за ларьками прошли два мальчугана в пионерских галстуках. Один был маленький,

с нежным лицом и большими глазами. На нем были деревянные сандалии-стукалки и тюбетейка. Другой – тяжело-весный, плечистый, очень рослый, с большим пухлым ртом. Пока шел разговор Капки с Ходулей, эти двое все время стояли в стороне, за ларьком, готовые вмешаться при первой же необходимости. Теперь, никем не замеченные, они продолжали издали следить за Капкой.

Глава 7

Твердая рука

Вот он идет по берегу в черной фуражке, сверкая серебряными пуговицами на длинной, не по росту, шинели.

– Гей-тя-тьё-оу! – кричат ему из воды мальчишки. У них красные с синевой тела. Вода еще очень холодна, а купальщикам уже не терпится. – Капка, гляди!

И мальчишки ныряют, показав пятки. Капка, не глядя, спешит на работу.

День начался правильно. Все идет, как намечено. Вот уже протрубил первый гудок на Судоремонтном, надо прибавить шагу. Проехала длинная машина ЗИС – за товарищем Плотниковым, секретарем горкома. Разбрызгивая лужи, мелькнула за углом черная «эмка» с начальником Затона.

Промчался военный комендант на зеленом газике. Затахтел по мостовой тарантас – это поехал директор Судоремонтного завода. Посыльный проскакал верхом. Бухгалтер из заводской конторы, степенно объезжая лужи, прокатил на своем велосипеде, держа портфель у руля. Серёжа, знакомый паренек, пронесся вниз по взвозу на самодельном ролике. Верхом на хворостине, волоча ее через лужи, занося немного вбок и нахлестывая кнутиком, проскакал до бровей измазанный в глине малыш, похожий на маленького кентавра из Риминой книжки. Он сам погонял себя, гикал, ржал и бил

пятками по мутной воде.

И только Капка шел совсем пешком. Верхом на палочке он, ясное дело, уже давным-давно не ездил. На самокате прокатиться Капка был бы не прочь, но не к лицу бригадиру фронтовой бригады ремесленников скакать на одной ножке при всем честном народе. Вот если бы велосипед, когда-то обещанный отцом... Со звонком, фонариком, pedalным тормозом, насосом и багажником... Но где уж в военное время думать о велосипеде, когда Риме скоро и пешком-то ходить будет не в чем!

Капка взялся за козырек и, сдвинув фуражку слева направо и обратно, несколько раз потер ею лоб, что было у него признаком глубочайшей и невеселой задумчивости.

Да, забот хватало. Много их легло ему на плечи. За все отвечал он, Капка, – и на заводе, в бригаде, и дома. Недаром соседки, носившие чинить ему ходики, примусы и плитки, говаривали: «Все-таки как-никак мужские руки в доме».

А горе пришло в дом Бутырёвых в первый же год войны. В мае сорок первого года мать уехала под Белосток проведать заболевшую сестру, которая там работала. И больше Капка не видел матери. Потом какие-то люди написали, что мать вместе с другими беженцами шла пешком по шоссе и на них в жаркий полдень среди поля спикировал немецкий самолет и сделал один заход, а потом второй и третий. И на третьем заходе пулеметной очередью в упор скосил мать. В семье уже давно подозревали, что с матерью что-то неладно, но, когда

пришло то страшное письмо от незнакомых людей, на руках у которых умерла мать, с горя словно заново содрали кожу, и оно зазияло всей своей безнадежной достоверностью. Когда отплакались, отец сказал хриплым, незнакомым голосом: «Им же хуже: злее будем». И вскоре уехал на фронт, хотя у него была броня на заводе и его сперва не хотели отпускать. Было непривычно видеть, как этот коренастый, прежде веселый, добродушный человек, внезапно осунувшись, твердил: «Нет, не уговаривайте, мою беду только ихней кровью оттереть можно, и вы мне не доказывайте...» И наверно, беда долго не оттиралась, велика была обида и крепко томило горе этого славного человека, потому что уже через полгода был он награжден двумя орденами и медалью за неистовую отвагу в бою. Был он и у партизан, отличился под самой Москвой, потом сражался у Воронежа. Но вот уже четыре месяца не приходило писем, и Рима с Капкой старались не говорить про отца при маленькой Нюше.

В первую осень войны Капка пошел в ремесленное училище. Теперь ему уже дали четвертый разряд – он работал фрезеровщиком на Судоремонтном заводе в Рыбачьем Затоне. Тут чинились небольшие волжские пароходы, нефтеналивные баржи, ледоколы, землечерпалки. Капка перенял страсть отца ко всякому техническому ремеслу. Руки у Капки были действительно золотые. Он и прежде мог мастерить всякую всячину. Мастер Корней Павлович Матунин сразу отметил старательного и ловкого в деле паренька.

– В отца идешь, в Василия Семёныча, – говорил мастер. – Соображение у тебя, Бутырёв, имеется.

Капку никто не называл Капитоном Васильевичем, как иногда называют с полушутливым уважением хорошо работающих авторитетных ребят. В этом всегда есть чуточку снисходительного умиления. А Капку в училище и на заводе уважали по-настоящему, всерьез, без лишних ахов.

«Работник!» – говорили про него. Только ростом он был еще очень мал, да и годами еле-еле вышел для училища.

Не в меру длинная шинель стегала его по пяткам. Издали казалось, что движется большая черная кадка, из которой торчит голова в фуражке. Но, когда дразнили его, мастер Корней Павлович Матунин останавливал задир:

– Шинелка, конечно, маленько свободна, а насмешки ни к чему. У Бутырёва все на рост покроено – и шинелка, и работа сама. Все чуток не по годам, чтобы развитию простор был. Ничего, подрастет – догонит, войдет в размер. Обуживать такого нет расчета... А ты не слушай их, Бутырёв, шагай себе.

И Капка шагал.

Он шел сейчас, искоса поглядывая на свою тень, которая стала короче, так как солнце уже довольно высоко поднялось над Затоном. Хозяйки шлепали бельем по воде у мостков. Рыбаки возвращались на исады⁴ после утреннего осмот-

⁴ Иса́д – здесь: место высадки на берегу, пристань.

ра вентерей⁵, и длинные остроносые лодки глубоко сидели в воде. Видно, богатый был улов. На берегу у Клуба водников знакомые мальчишки играли в городки. Капка невольно замедлил шаг. Когда-то он был непобедим по этой части. Мало кто в Затоне имел такой точный удар и мог с одной биты выбить *бабушку в окошке*, или *покойника с попом*, или *паровоз со стрелочником*, или *пушку*, не завалив при этом ни одной чурки. Но теперь ему было не до этого: время пришло серьезное. Некогда бросаться палками, да и поотстала, верно, рука, отвык глаз, нет уже, должно быть, прежней точности.

Когда Капка поравнялся с площадкой, где ребята играли в городки, там как раз была выложена самая трудная фигура – *письмо*. Четыре чурки, называвшиеся *марками*, лежали по углам квадрата, а одна стояла посередине городка. Это была *печать*. Капка с насмешливым сожалением глядел на игрока, который прокинул даром уже третью палку и только одной чуточку зацепил левую переднюю *марку*, что, по правилам игры, не считалось, так как сперва надо было выбить задние *марки*. Времени оставалось уже в обрез, надо было спешить. Но тут Капка не выдержал.

– А ну-ка, дай я *распечатаю*, живо только, – сказал он, подходя к играющим.

Мальчишки разом бросились собирать для него биты. Все знали, каким игроком был когда-то Капка Бутырёв. Капка

⁵ Вёнтерь – рыболовная ловушка в виде сужающейся мешкообразной сети, натянутой на обручи.

расстегнул пояс, потом шинель. Пояс бросил на землю, чтобы замах был свободнее, шинель спустил с левого плеча, ибо был он, как вам известно, левшой. Прикинул на руку несколько бит, одну за другой, выбрал сперва самую тяжелую, прицелился, держа палку двумя руками, как ружье. Потом, измерив расстояние до цели одним глазом, благо другой и закрывать особенно не приходилось сегодня, он резко отвел левое плечо назад, занеся биту далеко за спину, отступил и, коротко шагнув вперед на черту, с силой метнул. С порхающим свистом понеслась бита к городку, раздался звонкий, будто на ксилофоне, удар – клёк! – и одной *марки* как не бывало. Не сходя с места, Капка нагнулся за второй битой, прицелился, отступил, шагнул. Мальчишки рты раскрыли от уважения. Исчезла вторая, задняя, *марка*.

Клёк!.. Клёк!.. Одна за другой Капкины биты выхватили из углов городка две передние *марки*. Теперь оставалась одна лишь *печатка*. Но это было уже нетрудное дело, и Капка, уверенный в успехе, решил блеснуть особым ударом. Он метнул биту с оттяжкой, так, что она полетела, вертясь на лету, как бумеранг. Искусство здесь состояло в том, чтобы рассчитать точно вращение биты, которая, казалось, сперва летела как бы с промашкой и вот уже словно миновала цель, но в самое последнее мгновение, развернувшись в воздухе, задним концом своим выбивала чурку из городка. Причем трудность была еще в том, что, если бы чурка выкатилась за переднюю черту, удар был бы недействительным. Но удар

был на славу, и *печатка* далеко отлетела в сторону, так что мальчишки, стоящие там поблизости, чтобы видеть своими глазами эту чудо-игру, присели: свистящая чурка едва не задела их по головам.

Капка обил ладонь о ладонь, сунул левую руку в рукав, застегнул шинель, стянул ее кушаком и зашагал к заводу, провожаемый восхищенными взорами мальчишек. Каждый из них видел, какая гуля была у чемпиона под глазом, но никто не спросил об этом у Капки, и только в душе ужасались мальчишки, какие же есть на свете силачи, если они осмелились поднять руку на та кого парня, как Капка Бутырёв.

Глава 8

История города Затонска и его окрестностей

Когда Капка скрылся в проходных воротах завода, слева, из-за опрокинутого дощаника на берегу, и справа, из-за угла амбара, высунулись две головы. Они тотчас исчезли. Потом над дощаником заблестело и кинуло зайчика в сторону амбара маленькое зеркальце. Из-за угла амбара вышел высокий парень, толстый и круглоголовый, и, тяжело, по-медвежьему ступая, слегка переваливаясь, зашагал навстречу мальчугану в тюбетейке, который тут же перелез через дощаник. Они двинулись посередине улицы, ведущей к заводу.

– Видел, Тимка, как ему присадили под глазом? – спросил маленький.

– Есть будто, – буркнул большой. Вопрос был ему явно неприятен.

– Как же это ты вчера недосмотрел? А сказал – провожу. Эх ты, Тимсон!

– А если он мне не велел!

– Мало ли что! Надо было сторонкой идти, незаметно.

– Ладно, в следующий раз пусть только полезут еще.

– «В следующий раз»! – кипятился маленький, развязывая и завязывая тесемки над папкой, которую он прижимал

локтем к боку. – Жди теперь! Что # они тебе, каждый день будут, что ли?

– Ничего, еще попадутся мне, – проворчал большой, которого товарищ назвал Тимсоном.

Это и были Тимка-Тимсон с Валерием Черепашкиным, которого попросту звали Валерка. Валерий Черепашкин занимался в историческом кружке затонского Дома пионеров. Он не расставался со своей папкой, в которой вечно таскал дневник для *собственноумных мыслей* и общую тетрадь, куда заносилась «История города Затонска и его окрестностей», ибо Валерка Черепашкин был историком города Затонска и аккуратно записывал в свою памятку все выдающиеся события и явления и интересные случаи, которые были в городе. Впрочем, событий пока что было немного, и это очень удручало Валерку.

Отец у Валерки работал механиком на теплоходе, и всю навигацию его не было дома, а мать служила библиотекарем в Клубе водников. Маленький историк города Затонска был человеком начитанным, ибо хватал без разбору все книги, которые ему удавалось достать у матери. Был он из тех ребят, о которых отцы обычно говорят: «Вы об этом моего Ваську (или Петьку, или Гришку) поспрошайте. Он уж это в точности вам изложит». И действительно, у Валерки всегда можно было узнать, что сегодня сообщает Совинформбюро – какое новое направление появилось на фронте, и что за картина будет завтра в кино у водников, и какой паро-

ход придет из Астрахани, и у кого выиграл Ботвинник, и каков размах крыльев у южноамериканского кондора. Он был очень щедушный и часто прихварывал. Его мучили приступы малярии, но это не мешало ему быть очень живым, подвижным, хотя в драке он мало чего стоил — слишком легко его сбивали с ног. Валерку обычно и не допускали до крепкого дела. Перед началом схватки ему обыкновенно сдавали на хранение карандаши, перочинные ножички, вставочки, чтобы не потерять или не повредить их в бою. Зато был Валерка невероятный фантазер и выдумщик. Ему вечно приходили в голову необыкновенные затеи, и если уж он над чем-нибудь задумывался, то непременно старался сам найти решение вопроса, а когда затевал что-нибудь, то обязательно упрямо и неукоснительно добивался своего. Мальчик он был мечтательный и безобидно озорной. В школе и Доме пионеров его любили, так как он вечно всех забавлял своей выдумкой, неожиданными, часто странными суждениями и сказками своего собственного сочинения.

Все, например, знали смешную сказку Валерки Черепашкина о том, как верный цепной пес поспорил с верными часами на цепочке, кто из них вернее. И часы нарочно стали ночью, так что хозяин утром проспал, как ни лаял пес, стараясь разбудить его. Мало того: веря часам, хозяин выдрал беспокойного пса. Тогда верный пес обиделся и на следующую ночь, когда воры влезли в дом, нарочно не залаял, и верные часы были украдены...

Раз, когда пионеры трудились на школьном огороде, Валерка после работы со всей серьезностью вырыл в грядке ямку и посеял туда пиджачную пуговицу, уверяя, что из посеянной пуговицы при хорошем уходе может вырасти пиджак. Все потешались над ним, а он аккуратнo ухаживал за своей грядкой с пуговицей, поливал ее и даже огородил маленьким палисадом. Каково же было удивление ребят, когда, вернувшись из лагеря, они увидели, что на Валеркиной грядке взошло большое огородное пугало, которое размахивало обтрепанными рукавами рваного пиджака.

Валерка, как уже было сказано, вел кроме исторических записей дневник. Там записывались разные случаи из личной жизни Валерия, а также его суждения по различным поводам. Например, про одного из старожилов Затонска, своим возрастом поразившего воображение Валерки, написано было следующее: «Этот глубокий старик прожил ужасно громадную жизнь. Он родился так давно, что тогда еще было крепостное право и нигде еще не проводили никакого электричества. Авиация была только шарообразная. Пароходы не ходили паром, а баржи шли по Волге самобичеванием при помощи бурлаков. Кино тоже еще не было, даже немного. А когда стало звуковое кино, то он уже совсем оглох».

Капку Бутырёва Валерка считал человеком выдающимся, предназначенным судьбой для прославления города Затонска. О Капке то и дело упоминалось в истории города: «Он был сильно развитой и дал с размаху как следует, потому что

мускулы делаются у человека, чтобы быть здоровым, хорошо пригодиться в жизни, всё мочь делать и никого в жизни не бояться».

Сам Валерка не лишен был честолюбия, о чем свидетельствовали выписанные им на отдельной страничке знаменитые фамилии, которые, так же как и его собственная, начинались на букву «Ч». Здесь были и Чкалов, и Чапаев, и Чехов. Был тут и шахматист Чигорин, и монгольский маршал Чойбалсан, и композитор Чайковский, ну и, конечно, Чарли Чаплин, и пристанский силач Чухрай, и даже неизвестно как попавший сюда *чардаш* – популярный венгерский танец, принятый, очевидно, понаслышке за фамилию знаменитого танцора.

Отца с матерью Валерка нежно любил, но дома держали его строго, и что говорить – были разные неприятности в семейной жизни Валерия Черепашкина. Это и отразилось в разноречивых записях:

«Родители мне попались очень хорошие, а могло ведь легко бы случиться так, что я бы родился, а папа с мамой совсем и не те – вот был бы номер...» А другой раз, когда Валерке не позволили прокатиться с ребятами на лодке, так как мама боялась, что они будут качать лодку и опрокинутся, Валерка, видимо, здорово обиделся, но все же написал:

«Надо любить своих родителей, потому что без них еще хуже».

Были тут всякие иные заметки. Например:

«Это случилось тогда, когда я закалял свой характер и силу воли, совсем не держась руками, и опять упал с крыши сарая. Но ушибся не до крови, потому что был уже почти закаленным с этого боку».

«„Будьте же сами благоразумны, дети, – так говорила нам сегодня Ангелина Никитична, – берите пример с природы. Видали ли вы, дети, как лошадка сама подставляет кузнецу свое копыто, чтобы ее подковали?.. Видали ли вы, как ветка дикой яблони послушно тянется к садовнику, чтобы он сделал ей прививку?“ Нет, мы этого не видали, потому что так в жизни, по-моему, не бывает».

Встречались в дневнике и такие философские рассуждения:

«Людей на Луне нет. А если бы они были, то смот рели бы вниз на Землю и думали – есть на ней люди или нет? А мы-то как раз и есть!»

«Интересно, почему это когда болеешь долго в постели, то очень вырастаешь. По-моему, это потому так бывает, что, когда человек ходит, он может расти только в одну сторону – вверх, снизу ему пол мешает, а когда долго лежишь, то можно расти в обе стороны – и макушкой и пятками».

«Когда на земле еще не было людей, интересно, как же тогда называлось „дерево“?»

И наконец, тут можно было встретить большие записи, которые говорили о принадлежности Валерия Черепашкина к таинственным синегорцам:

«Мы поклялись все быть как родные братья и постановили не расставаться на всю жизнь, во всем сговариваться вместе, никогда не становиться против друг дружки, и пусть будет Отвага, Труд, Верность и Победа! Каждый из нас сильно стремился дать свою помощь Красной армии, а кто не очень стремился, таких мы не принимали вовсе и довольно не уважали, потому что это были-таки порядочные типы».

Тут же был приведен первоначальный текст марша сине-горцев:

Вперед, товарищи, вперед!
За Труд, за Верность, за Победу!

Вперед нас Родина зовет
Назло надменному соседу.

Досадное совпадение, необыкновенное сходство последней строки с, увы, известной, как оказалось, строкой из пушкинского «Медного всадника» послужило, очевидно, причиной тому, что текст марша был отвергнут... Таков был Валерка Черепашкин – мыслитель и поэт, историк города Затонска и один из старейших синегорцев.

Ему было двенадцать с половиной лет.

Глава 9

Слово имеет Тимсон

Толстый Тимка Жохов, большеголовый увалень, прозванный Тимкой-Тимсоном, был верным спутником и телохранителем слабенького Валерки. Тимке недавно минуло четырнадцать лет. Больше всего любил он арбузы и дыни, слыл бахчеводом. Человек он был положительный, двигался и думал не спеша, не отличался многословием и обычно во всех случаях жизни предоставлял за себя слово речистому Валерке. Так было и на этот раз.

Увидев, как из-за угла, где стоял на дозоре один из приятелей Тимки, трижды блеснуло зеркальце, что было условным знаком, Валерка встрепнулся, поправил галстук и вопросительно посмотрел на товарища: – Юрка сигналиит. Ты сам подойдешь, Тимка, или я первый? – Сам, – отвечал Тимсон.

Глистообразная фигура Ходули показалась из-за угла. Тимка заложил руки в карманы широких штанов и не спеша пошел навстречу. За ним неотступно следовал Валерка.

– А, обнявшись крепче двух друзей! Пионер – всем детям пример! В полной амбиции при всей амуниции! – заговорил своим писклявым голосом Ходуля. – Будь готов – всегда готов. Сколько зим, сколько лет, гутен таг, бонжур, привет!

Он паясничал, тараторил, но его нагловатые глазки по-

смастривали на карманы Тимки, в которых грозно шевелились тяжелые кулаки. Тимсон молча напирал.

– Ну, вы чего? – забеспокоился Ходуля. – Вы не очень-то, а то как крикну наших ребят рядом тут, тогда узнаете. Что вы за мной ходите? Я еще на базаре вас заприметил. Думаешь, если палец больной, так я приложить не смогу? Знаешь, *блеснула шайка. Раз, – и два! И покатилась голова...*

– Тимка, дай я ему все скажу, ладно? – спросил Валерий у Тимки.

– Валяй! – сказал Тимсон.

– Лёшка, имей в виду, – заторопился Валерка, бледнея от волнения, – имей в виду, что мы всё знаем, и тебе это так, даром, не пройдет. Тебя, кажется, предупреждали, чтобы ты Бутырёва не трогал. Если добром не понимаешь...

– Чего такое? – завопил уже совсем фистулой⁶ Ходуля. – Ты видел, чтобы я Капку трогал? Нужен он мне, Капка ваш! Подумаешь, *в песчаных степях аравийской земли три гордые пальмы высоко росли...* Охота была связываться! Ты видел, чтобы я его трогал?

– Тимка, сказать ему все? Пускай все знает.

– Пускай, – сказал Тимка.

– Так имей в виду, Лёшка, – почти закричал Валерка, – мы всё знаем! Это ты подговорил Юрку Гундосова, Петьку Бирюка и Митьку с переправы, всех свищёвских ваших, чтобы они Капку так... Нам всё известно.

⁶ Фистула – здесь: очень тонкий, высокий голос; фальцет.

– Факт, – подтвердил Тимсон.

– Чем докажешь? – высокомерно сказал Ходуля.

– Гляди, – сказал Тимка, поднося к носу Ходули свой тяжеловесный кулак, – раздокажу. Вещественно.

– Тимсон, Тимсон, забыл уговор? – предупредил Валерка.

– Знаю, – пробормотал Тимка, вздохнул и вытер вспотевший лоб.

Он упарился от такого длинного разговора. Эх, если бы только не запрещение, он бы сейчас показал этому долгоногому!

Валерка взял приятеля за локоть. Тимка еще тяжело дышал.

– Можно, я разок ему? – умоляюще шепнул он Валерке.

– А Капка что говорил, забыл? Вчера бы действовал, а сегодня уж нечего после драки кулаками махать. Молчал бы уж лучше!

– Молчу, – сказал Тимсон.

А Ходуля, воспользовавшись тем, что они оставили его в покое, быстро пошел к воротам завода, но у самой табельной будки обернулся и вытащил из кармана бумажку.

Он показал ее издали, оторвал угол, скрутил сигарку, а остаток скомкал, бросил в траву и притопнул ногой. Валерка и Тимка успели заметить на клочке знакомый герб.

– *На перчатку среди диких зверей он глядит и смелой рукой поднимает!* – крикнул Ходуля и скрылся в проходной.

– Кажется, догадался, что от нас, – с испугом произнес

Валерка.

– Похоже, – согласился Тимсон.

– Ну и пускай! – воскликнул Валерка.

– Пора, – сказал Тимсон.

Они были еще так захвачены только что состоявшимся разговором, что не заметили сигналов с угла, где стоял их дозорный. Напрасно бедняга сигналил им зеркальцем: они не видели. Тогда паренек подбежал к ним и сообщил что-то вполголоса.

– Ну да, ври! – не поверил Тимка.

– Честное слово, Отвага и Верность!.. Серёжка прибежал, сам видел.

– Вот это новость, а?.. Тимсон, – возбужденно заговорил Валерка, – который теперь час?

Как бы в ответ на это высоко и заливчато затрубил гудок Судоремонтного. Валерка выхватил из папки тетрадку, по-слюнил карандаш и вписал: «Сегодня в 7 часов 00 минут было обнаружено...»

Но что было обнаружено в 7 часов 00 минут этого исторического дня, об этом можно будет узнать лишь в следующей главе.

Глава 1 0

Юнги с острова валаама

В истории нашего города это был очень исторический день.

В. Черепашкин

История г. Затонска и его окрестностей

Новость, которую решил занести в летопись города Затонска Валерка Черепашкин, первыми узнали галки в школьном саду. Их всполошили резкие, непривычные звуки дудок, голосивших в пустых еще вчера коридорах школьного здания, и многолюдье на дворе школы. И окончательно всполошил галок плотный узелок материи, который быстро взлетел по высокой мачте и с треском развернулся над деревьями, превратившись в большой флаг с синей полосой внизу и с красной звездой рядом с серпом-молотом на белом поле. Галки, проклиная всё на свете, грозя страшными карами, кружились над потревоженным садом. Потом эту новость узнала Рима Бутырёва. Она поставила дома греть воду для стирки, отвела Нюшку в детский сад, а сама побежала в булочную за хлебом. Она быстро шла, размахивая пустой кошелкой, платок размотался и съехал с головы, ветер трепал ее красивые, с золотистым отливом волосы. Она переходила большие лужи, смотрясь в воду. Небо с облаками отражалось в лужах;

казалось, что под ногами бездонная глубина, легонько кружилась голова, и боязно было ступать в зеркальную пустоту. Кроме того, галоши, оставшиеся от матери, были велики Рима, и ей всю дорогу приходилось воевать с ними, а шоссе было мокрое, раскисшее, и галоши вязли в грязи. Вот теперь левая галоша отстала. «Стой ты! – сердилась про себя Рима. – Вот так... надевайся обратно. – Тут она спохватилась, что с правой ноги галоша исчезла. – Ой, миленькие, правую со всем потеряла!.. Опять надо возвращаться назад. Честное слово, целый час хожу!.. Как найду сейчас правую, так обе галоши в руки возьму и так пойду. Мимо школы буду идти, тогда обуюсь». Она повернулась, чтобы идти назад за потерянной галошей, и сошла с середины улицы на тротуар, как вдруг с подъезда школы раздался громкий оклик:

– Эй, на берегу, малость возьми курс левее! Слышишь, девочка или гражданка, как ты там?.. Я тебе, кажется, ясно семафору.

Рима остановилась, изумленная. На знакомом подъезде школы, в которой она сама еще училась этой зимой, стоял молоденький моряк; пояс туго перехватывал его аккуратную шинель, матросская шапка-бескозырка, приплюснутая блином, была надвинута на правую бровь, прямую и тонкую, ленточки вились за плечами у моряка.

«Ишь ты, флотский с винтовкой! Чего это он у нашей школы делает?» – удивилась Рима и на всякий случай натянула платок на голову и поправила волосы.

– Чего стала? Сигналов, что ли, не видишь? Говорю, сворачивай, не подходи к трапу, тут теперь нет хода, отверни в сторону.

– Да ну вас! – рассердилась Рима. – Я к вам вовсе не собираюсь. Раскричался тоже! Может быть, это наша школа как раз.

– Может быть, и была ваша, – ответил флотский, – а теперь мы тут будем.

– А что это за такие «мы»?

– Ты что это, с виду не различаешь? – наставительно произнес флотский. – Юнги мы Балтийского флота. Школа юнгов ⁷. Ясно, кажется.

– К нам, значит, эвакуированные? – спросила Рима. Любопытство ее преодолело обиду.

– Кто это – эвакуированные? Соображать надо все-таки... Мы с острова Валаама, из Ладожского озера. Нас сперва под Ленинград, а теперь сюда перевели, на берег к вам.

⁷ Школа юнгов. – Валаамская школа юнгов (в нач. XX в. слово «юнга» в род. п. мн. ч. имело два варианта – «юнгов» и «юнг») была образована в 1940 г. при Школе боцманов, располагавшейся на острове в Ладожском озере. Это было первое в СССР подобное учебное заведение. К сожалению, многие из этих 15—16-летних юношей погибли уже в начале Великой Отечественной войны, сдерживая наступление гитлеровцев.

Вроде как морская пехота. И вообще, я с тобой разговаривать не обязан, я вахтенный. Ясно, кажется, говорю. Ну, отваливай, отваливай на ту сторону! Должна понимать, раз военный объект!

Рима совсем разобиделась и повернулась спиной.

– Ну и не больно нужно! Подумаешь, какой «объект»! Это наша школа, а не объект. Моряк с разбитого корабля! Вот я скажу нашим мальчишкам, так они тебе покажут «объект». У наших форма-то почище вашей будет – с козырьком. У меня знаешь какой брат есть?

– Хватит разговорчиков! – отрезал флотский.

– А я, кажется, с вами не разговариваю. Не собираюсь даже. Вы сами же начали. Подумаешь, флотский! Надел фуражку набекрень и уж воображает!

– Первым делом, это не фуражка, а бескозырка, по-нашему – беска. Надо знать. Выросла уже порядочно, а различать не можешь. И вообще, это не твое дело... Ты вот лучше скажи, куда у тебя с правой ноги галоша ушла? – спросил он неожиданно, бросив взгляд на ее ногу и улыбнувшись. А улыбка у него была славная, зу бы так и блеснули.

– Ой, и правда! – вспомнила Рима. – Вы случайно мою галошу не видели?

– Только мне и занятие, что за твоими галошами смотреть! – Морячок уже внимательнее оглядел ее и вдруг перешел на «вы». – Стойте, у вас же на левой ноге обе галоши,

надели одну на другую! Эх вы, сухопутные!..

– И правда! – обрадовалась Рима. – А я-то смотрю, что это у меня левая нога заплетается!

И оба они стали смеяться и смеялись долго и весело.

Потом Рима, сочтя неловким это уличное знакомство, резко оборвала смех, степенно поджала губы, вздернула кверху упрямый, как у брата, подбородок:

– Ну, спасибо вам, а то бы я искала, искала... Теперь пошла.

– Добро́, – крикнул ей флотский, – счастливого плавания! Виноват, погодите, как позывные-то ваши? – Какие это позывные? – не поняла Рима.

– Ну, как зовут это по-нашему значит. Рима глянула на него через плечо: – А как звать, не вам знать. Сперва наорал, а потом – как звать. Рима звать, а вас это и не касается.

– Рима? – переспросил флотский. – Интересное имя. – По-моему, самое обыкновенное. А фамилия какая, не скажу. – Рима помолчала немножко, но флотский не просил сказать фамилию, она сама смилостивилась: – Ну ладно, скажу, так и быть. Бутырёва фамилия. Капку Бутырёва еще не знаете? Его все тут знают в Затоне. Он в ремесленном училище самый главный мальчишка, а я его родная сестра. Ну, всего вам. – Рима, погодите, – остановил ее флотский. Голос у него был теперь совсем другой – вежливый, тихий. – Как тут у вас?.. Населенный пункт большой? – Какой населенный пункт? – Ну, этот самый... как его... Затонск, что ли,

по-вашему. – Так это же город. – Для кого город, для нас – населенный пункт. Кино бывает? – Бывает, конечно. В Клубе водников. – Во-одников? – насмешливо протянул флотский. – Откуда же у вас тут, на сухом месте, взялись во-одники?

– Да тут же у нас Волга! – искренне возмутилась Рима. – Вон, видать ее. Знаете, у нас пароходы какие ходят!

– Тоже река! Водники-мелководники. Вот у нас на Ладоге как рванет штормяга да как двинет зыбайло, так это вот дает жизни!

– Это что там за разговорчики на трапе! – слышался густой, раскатистый бас, и в дверях показался пожилой седой моряк с четырьмя узкими нашивками на рукаве. Углом вниз шли широкие золотые шевроны ⁸.

«Это, наверно, самый главный у них, капитан», – подумала Рима.

– Вахтенный! – гаркнул моряк с нашивками и перешел вдруг на зловеший шепот: – Сташук, галок считаешь, разговоры разговариваешь! Кажется, ясно сигнал играли. Кончай возиться!.. – загремел он опять. – Свистать всех на верхнюю палубу. Юнги, на занятия! Разболтались уже, подтянись! Живо-два, ходи веселей, моментом!

– Есть всех на верхнюю палубу! – И юнга, звонко щелкнув

⁸ Шеврон – нашивка из ленты-галуна в виде угла на левом рукаве форменной одежды солдат и младших офицеров. Их количество означает число лет сверхсрочной службы.

каблуками, скрылся в подъезде школы.

А Рима пошла в булочную и все оборачивалась. Над школой на высокой мачте вился большой серебристо-белый флаг, синий снизу, с красной звездой и серпом-молотом.

Рима шла и заранее предвкушала, как она первая сообщит новость всем подругам – и Лиде Бельской, и Шуре Куличёвой, и всем другим девочкам.

Юнга ей понравился. Росту высокого, собой хорош и совсем настоящий моряк. Задается немного, воображает из себя, но, видно, симпатичный. Наверно, придет вечером к водникам.

И, увидев в очереди за хлебом свою подругу Лиду Бельскую, черноглазую смуглянку, эвакуированную из Одессы, Рима кинулась к ней:

– Знаешь, Лида, в нашей школе теперь флотские жить станут. Их там много, мальчишек. Одеты на манер матросов, вот тут ленточки. Один там такой есть, Сташук, с винтовкой на крыльце стоит и на ту сторону всем велит сворачивать.

А я все равно не свернула. Обещал к водникам прийти. Выйдешь вечером?

– Хо! Новость то-оже! – протянула Лида. – Моряков, что ли, я не видала? У нас их знаешь сколько...

Но все-таки пошла проводить Риму до дому, чтобы по дороге хоть одним глазком посмотреть на моряков. Весть о том, что в затонскую школу приехали моряки, балтийские юнги, быстро облетела весь Затон, и мальчишки уже лезли на огра-

ду, чтобы посмотреть, что там делается, на школьном дворе. Потом они наперебой рассказывали, как юнги стоят, выстроившись во дворе, а самый главный, с нашивками – усищи во! – командует и распоряжается, и все перед ним в струнку. А у самых маленьких юнгов бескозырки без ленточек, но остальное все как и у настоящих флотских.

Галки, немного поуспокоившись, сидели на ветках у своих гнезд и внимательно поглядывали то одним, то другим глазом на снующих по двору, бегающих вниз и вверх по лестницам незнакомцев.

Глава 11

И стар и млад

В пролете гудели вентиляторы, стучали дробно, цокали и жужжали работающие станки, трансмиссии, сверла. В слитный шум цеха врезáлся минута́ми звенящий, взывающий визг электрической пилы со двора. Капка, в старой спецовке, замасленной и местами протравленной чем-то, стоял у своего станка, самого крупного в пролете. Под ним была небольшая скамеечка, которую в цехе называли *трибункой*. Капка был человек аккуратный; станок был ему велик, но подставлять себе, как это делали другие, пустой ящик он считал невозможным. Он сам сколотил себе трибунку, выкрасил ее кубовой краской ⁹, а по его образцу стали делать себе трибунки и другие ремесленники, если станок был им не по росту.

Вчерашняя обида прошла, глаз почти не беспокоил, налаженный с вечера самим мастером станок слушался руки́, лилась, брызгала белая эмульсия, топорщилась взрытая фрезой металлическая стружка. Настроение у Капки улучшилось после решительного разговора с Ходулей. Он был доволен, что Лёшка не посмел послушаться и явился-таки в цех. Вид у Ходули был жалкий, перевязанный палец он все время

⁹ Кубовая краска – синяя, яркого, густого оттенка.

держал на виду. К станку Лёшку ставить было нельзя, так как палец действительно раздуло, но подносить детали, убирать стружку и выполнять всякую подсобную работу он вполне мог.

Когда работа шла споро, станок не капризничал, вни зу у левой станины быстро вырастали колонки готовых деталей и все в бригаде были заняты делом, как надо. Капка чувствовал сам, что в эти часы на своей кубовой трибунке он, как говорили товарищи, «силён парень». В такие минуты никто уже не посмел бы даже втихомолку назвать Капку *шпинделем*, как дразнили его на улице за маленький рост.

По пролету цеха шел мастер Корней Павлович Матунин, общий дядька ремесленников, воспитатель молодых производственников. На нем был аккуратный туалъденоровый¹⁰ халат, из кармана которого торчали железная линейка с делениями, узенькая расческа и красный карандаш. Пощипывая коротенькие седые усики, он не спеша переходил от станка к станку, посматривая на своих учеников поверх старомодных железных очков. Капка, с головой ушедший в работу, не видел приближавшегося мастера и орудовал на своем станке, легонько насвистывая сквозь зубы. – Это что за соловьи в цехе заливаются? – услышал он над самым своим ухом. Не прекращая работы, оглянулся на мгновение и увидел возле себя мастера. – Это я сам себе подсвистываю, Корней Павлович, – смутился Капка, удивившись, как это мастер в таком

¹⁰ Туалъденоровый – сшитый из плотной, легкой хлопчатобумажной ткани.

гуле расслышал его свист. — Ты бы уж в таком разе про себя свиристел, а то, как говорится, свистунов на мороз! — строго заметил мастер.

— Я сперва, Корней Павлович, пробовал про себя, в уме мотив держал, а потом слышу, кто-то свистит, а оказывается, я сам. Очень песня хорошая, вчера красноармейцы на пристанях пели. И военная песня и душевная.

— Ну, Капитоша, как дело-то движается? — спросил мастер. — Маленько подвигается, Корней Павлович. Вот уже, видите, сколько снял. Мастер опытным глазом окинул столбик готовых деталей.

— Молодец, Бутырёв, молодец, Капитон, с превышением идешь! Только работай ровненько, без дерганья. Станок не дурит? Дай-ка я тебе делительную головку проверю. Вот так... Васенин, Васенин! — закричал он в сторону белесоватому парню, который бросил на пол деталь. — Ты зачем на пол так несуразно швыряешь? Ты ложи деталь аккуратненько, а то будут у тебя заусеницы. Деталь этого не любит, чтобы ее швырком, ты с ней поласковее обращайся, тем более я уже говорил, что сегодня почетный урок выполняем, спецзадание. Это дело на фронт пойдет. Ты гляди, Васенин, как Бутырёв щепетильно работает. Даром что маленький, из-за станка макушку чуть видать, а занимается вполне аккуратно.

Тут взгляд мастера упал на зловещее украшение Капки-ной скулы. Он поймал Капку за подбородок, сам пригнулся, поправил очки.

– Батеньки-матеньки! – сказал мастер (это было его любимой поговоркой). – Батеньки-матеньки! Это кто же тебя так, а, Бутырёв?

– Никто. Это я сам, Корней Павлович.

– С чего же это ты сам на себя так осерчал?

Капитон мотнул головой, высвободил подбородок и наклонился над станком, сам очень удивившись тому, что еще бы немножко – и у него выступили бы слезы на глазах.

Корней Павлович постоял у станка, отошел было, опять вернулся. Капка видел, что мастер хочет о чем-то поговорить с ним. Корней Павлович, действительно, откашлялся и сказал негромко:

– Я вчера разговор ваш с Дульковым слышал ненароком, когда за воротами вы с ним схлестнулись. Знаешь, Капа, ты бы сказал ребятам, чтобы по-скверному-то не выражались. Иной хороших слов и не стоит, это верно, а язык-то свой марать не след. Мальчики вы еще молодые, разговор должен быть у вас аккуратный. Кто черным словом со́дит, у того язык как помело, весь мусор в душу-то и сгребает. Не надо так...

А потом огромный, все заглушающий рев заполнил пролеты цеха и двор. Это был гудок на обед.

Повалили в столовку. За обедом ребята говорили, как всегда, о военных орденах, о самолетах и о кино. Во всем этом они хорошо разбирались. И каждый успел высказаться с полным знанием дела.

После перерыва мастер собрал всех в пролете и опять сообщил, что урок они получили очень серьезный и особого задания. Тут же он объяснил на образце и по чертежу, какая будет работа.

– Значит, тут так: двойная бороздка пойдет, продольная, будет проходить фрезой с торца четыре миллиметра. А отсюда, значит, нарезная пойдет, на образец втулочки. Гляди сюда... Вот таким манером. А с этого боку получается наподобие уже как мы делали. Всем ясно?

– Корней Павлович, а Корней Павлович! – Капка просунулся под самый локоть мастера, заглянул ему под очки. – Эта деталь на что пойдет?

– А ты не любопытничай. Раз сказал – специальное задание, так лишние вопросы тут уж ни к чему. Понятно?

– Поня-атно, – протянул Капка, – только очень охота бы узнать. Интересно ведь!

– А мне, может быть, тоже охота вам сказать, да нельзя. Понятно? Сказано раз – нельзя, и шабáш. Боевой секрет, военная тайна. Доверили нашему заводу, сверх задания делать будем, и молчок. Придется, конечно, лишний часик-другой понатужиться.

– Может, на танки пойдет? – не унимался Капка.

– Вполне допустимо, – согласился мастер.

– Или на «катюшу»?

– Возможное дело.

– А не к самолету, Корней Павлович?

– Мыслимо и так...

А ближе к вечеру пришла на завод не совсем обыкновенная экскурсия. В Затоне узнали каким-то образом, что Судоремонтному заводу поручено особое задание сверх обычной работы. Явились местные старожилы, пенсионеры, ветераны труда, старая затонская гвардия, волгари. Пришли сказать, что они готовы, если надо, подсобить народу. Пришли из Свищёвки Егор Данилыч Швырёв и Макар Макарович Расшивин. С пристаней заявили Парфёнов Маврикий Кузьмич, престарелый Бусыга Михайло Власьевич, Устин Ермолаевич Скоков и сам Иван Терентьевич Яшкин, тот самый, о котором в дневнике Валерия Черепашкина говорилось, что он жил еще при крепостном праве и оглох к моменту изобретения звукового кино. Лет им всем вместе насчиталось бы полтысячи верных. Это были кряжистые, могучие старики, ходившие в свое время по всей Волге бурлаками, плотогонами, крючниками и водоливами. Некоторые, например Швырёв и Бусыга, плавали кочегарами и механиками, а потом работали по судоремонту или доживали свой век бакенщиками. Затонских стариков сопровождал сам директор Леонтий Семёнович Гордеев, за ним, немного отступя, шел Корней Павлович Матунин. Ребята видели, как волнуется мастер. Он то и дело пощипывал коротенькие свои усики, оправлял халат, вынимал клетчатый платок и вытирал вспотевший лоб. Ведь когда-то сам он поступил учеником в

ремесленные мастерские Затона, и Михайло Власьевич Бусыга с Егором Данилычем Швырёвым были его наставниками. Старики не спеша, опираясь на палки, шли по цеху. Они останавливались у станков, заглядывали под низок, брали готовые детали, щупали их взыскательными пальцами, близко подносили к подслеповатым глазам, покряхтывали строго. – В этом пролете мои работают, – застенчиво сообщил мастер.

– Ничего ребятишки подобрались у тебя, Матунин, – признал старик Швырёв, – толк будет. Поддерживай, затонские! Вот и нашему делу управка!

Подошли к станку, из-за которого была видна макушка Капки Бутырёва.

– А это Бутырёва, Василия Семёновича, сынок, – представил Капку мастер, – отличается. Видали? На трех-шпиндельном уже поставлен!

– Ну-кosi прогони разок, – сказал Бусыга.

Мастер Корней Павлович даже заранее вспотел от волнения.

– Давай, Бутырёв! Показывай, чему Матунин обучил.

Капка весь покраснел, в ушах стало жарко. Капка вспомнил, как давно уже, когда был он еще маленьким, заходил к ним в воскресенье попить чайку Михайло Власьевич Бусыга. Стол накрывали во дворе, под деревом. Мать наливала почтенному гостю чашку за чашкой – Бусыга один мог выпить полсамовара. А к вечеру отец звал уже сонного Капку, ставил его на стул и, при держивая рукой, чтобы не свалил-

ся, приказывал сказать стишок, желая похвастаться перед гостем талантами сына. «Ну-коси», – грубым голосом просил гость. И пятилетний Капка, поглядывая то на сладкий кухен, стоявший посреди стола, то на огромного и страшного гостя, читал: *«Кто скачет, кто мчится под хладною мглой?.. Римка, не нашептывай, без тебя знаю... Ездок запоздалый, с ним сын молодой»*.

Глаза у Капки слипались, рот тоже: он уже успел попробовать варенья. Стул шатался под ногами, и в сумерках лохматый, зеленобородый Бусыга сам становился похожим на Лесного царя, о котором говорилось в стихотворении. Потому у Капки очень искренне выходило: *К отцу, весь издрогнув, малютка приник...* И он тесно прижимался к прочному и теплomu плечу отца. «Ну, хватит с него, молодец!» – говаривал Бусыга. «Я дальше тоже знаю», – обижался Капка и, уже спущенный на землю, торопился дочитать стишок до самого конца...

Но сейчас предстояло испытание посерьезнее... Одной левой рукой он быстро, не глядя, взял деталь, вставил в заправку, проверил шпиндели, правой пустил станок вручную и включил самоходную подачу так мягко, что старики одобрительно крикнули. Потом Капка снял готовую деталь, обер ветошью и подал мастеру. Деталь пошла по рукам. – Ну как, Васильич, отец пишет чего? – спросил старый Бусыга у Капки, поковыривая деталь зелено-фиолетовым ногтем, толстым, как у носорога. Капка глотнул комок, внезапно воз-

никший в горле, и собрался было что-то ответить, но директор опередил его:

– Напишет еще, напишет. Знаете, теперь как почта идет... Ну, пошли дальше, товарищи. Старики проследовали к другому станку, а Корней Павлович, чуточку поотстав, оглянулся и подмигнул своему питомцу: молодец, мол, Бутырёв, не подкачал. С этого же дня решили работать по два лишних часа вечером. День этот с непривычки казался нескончаемым.

Освоить новый урок было не так-то легко. Детали заедало на станках. Мастер-наладчик сбился с ног. У ремесленников были усталые лица, посеревшие от металла, глубоко въевшегося в поры кожи.

Глава 12

Морей альбатросы и волжские чайки

Уже темнело, когда шли с Судоремонтного ремесленники. Бледны были плохо отмытые, словно задымленные лица. Ремесленники шли молча, и огромными казались глаза, подведенные темным налетом копоти и металла.

А у Сада водников толпился народ перед афишей кино. В парке играла музыка, а по аллеям, метя песок дорожек широкими отутюженными клёшами, в чистеньких бушлатах, сдвинув бескозырки на правую бровь, по четыре в ряд прохаживались затонские новоселы – юнги с острова Валаама. И, когда проходили они мимо не затемненного еще входа в кино, выделялись на бескозырках буквы темного золота: «Краснознаменный Балтийский флот». Девчонки с пристаней Затона и Свищёвки, сидевшие в ряд на скамьях, перешептывались, провожая любопытными взорами молодых балтийцев.

Мальчишки с уважением, без особой приязни, но зато не без зависти смотрели, как, покачиваясь по-морскому, шли аллеей юнги. И общее мнение было уже таково, что «ремесленникам нашим теперь крышка. Морячки верх возьмут по всем статьям».

Пронырливый Лёшка Ходуля был уже тут как тут. Он так ныл в цеху, что всем осточертел, и добился своего: мастер

отпустил его из-за больного пальца раньше других. Сам Ходуля никогда на море не бывал и по Волге ниже Ахтубы не плавал. Но он любил уснащать свою речь морскими словечками, хвастался, что непременно будет служить во флоте, и на руке у него был грубо вытатуирован якорь. Поэтому сегодня он смело подошел к юнгам, присевшим отдохнуть на длинной садовой скамье.

– Разрешите пришвартоваться? С благополучным прибытием. Надолго бросили якорь у нас, *в песчаных степях аравийской земли?*..

– Там видно будет, – сдержанно ответил худощавый юнга с длинными и тонкими бровями. Это был Виктор Сташук, с которым утром познакомилась Рима. – А вы местный?

– Тутошний, как говорится, – отвечал Ходуля. – *Здесь родился, и это все, что я любил...*

– Ну, как у вас тут ребята, ничего? – Ребята, конечно, имеются, – заискивающе поспешил сообщить Ходуля. – Всякие, конечно, есть. Есть чересчур кляузные, к начальству подъезжают. Вообще, конечно, вы тут всем этим шпинделям сто очков дадите. Одно слово – моряки, флотские, морей альбатросы. Сам давно имею мечту. Кúрите? Юнги покосились на предложенные им Ходулей папиросы, потом посмотрели на Сташука. Он, очевидно, был у них вожаком. Сташук чуть заметно сделал головой знак: ни боже мой. Юнги вздохнули и отвернулись. – Некурящие, – жестко отрезал Сташук.

– Могу зажигалочку предложить, собственной работы, –

сказал Ходуля, вынимая зажигалку, которую ему вернул утром Капка. – Пожалуйста, для приезжего человека, тем более морякам, без всякого возмездия. Насчет расходов не беспокойтесь, сочтемся как-нибудь. Вы – альбатросы, мы – волжские чайки. Одно к одному, и всё в порядочке.

Сташук смутился было, не хотел брать, но Ходуля насильно вложил ему в руку зажигалку, прихлопнул ла донью сверху и сказал при этом: «Шито-крыто, взято-бито и с кона долой». Однако Сташук уже не смотрел на Лёшку. Машинально опустив зажигалку в карман бушлата, он привстал, завидя появившуюся в аллее Риму Бутырёву с подружкой.

– А, по синим волна́м океана, лишь звезды блеснут в небесах, – задекламировал Ходуля, – уж Римочка наша *несется, несется на всех парусах...* Сташук не слушал его. Он во все глаза смотрел на Риму, с трудом узнавая в этой красивой приодевшейся девушке простенькую девчонку, с которой он так небрежно разговаривал утром.

– Что? Познакомить? – заторопился Ходуля.

– А мы уже с ней немного знакомые, – ответил Сташук и четко отковырял Риме.

– Здравствуйте, – сказала она. – А это подруга моя... Здравствуйте, Лёша.

Ходуля так удивился, что даже не сразу ответил, и только через минуту спохватился:

– Здравствуй, Римочка, здравствуй, Лидочка. Добрый вечер, честь имею. А мы тут, знаете, с морячками то да сё, об-

нявшись крепче всех друзей...

– Кино будем смотреть? – спросил Сташук у Римы.

– Так билеты, наверно, уже все.

– А у меня и у одного моего товарища уже имеется как раз четыре, случайно рядом, вон дожидается стоит, – сказал Сташук.

И они пошли в кино, оставив в аллее оторопевшего Лёшку Ходулю, который все же пробормотал:

– *«Мне дурно»*, – проговорила она...

Сташук познакомил девочек со своим товарищем Серёжей Палихиным. Вчетвером они направились в кино. Рима и Лида шли под руку и посередке, а юнги по краям и чуточку на отлете. Причем оба так отчаянно вышучивали друг друга, что девочки то и дело покатывались со смеху, не замечая, как ловко товарищи помогают один другому сострить и показать себя с наилучшей стороны.

– О, он у нас рыбак известный, – говорил Сташук про Палихина. – Вы его спросите, как он на Ладоге камбалу ловил, а сам немецкую мину выудил...

– Нет уж, – отвечал Палихин, – пускай сам расскажет лучше, как он трубочистом сделался, когда в Ленинграде на крышу зажигалка упала в трубу, а он за ней туда полез... Красивый фасон после имел!

Потом Палихин и Лида ушли немного вперед. Рима и Сташук поотстали.

– Да, Рима, – сказал вдруг Сташук, – вы, кстати, мест-

ная? – Да, родилась тут.

– Тогда вы, может быть, мне скажете, кто это такие тут у вас синегорцы. Я тут никого не знаю, а не успел приехать, уже письмо получил. И написано что-то не разбери поймешь. Стою на вахте, а какой-то мальчонка подбежал, сунул мне письмо, а сам драла. – Он протянул Риме письмо. – Вот, видите? «Синегорцы Рыбачьего Затона приветствуют вас на своем берегу. Да скрепит верность вашу боевую дружбу и закалит отвага ваши сердца, и пусть будет сладок плод ваших трудов, и да взойдет над вами радуга победы. Синегорцы Затонска надеются, что балтийские юнги послужат делу процветания и славы города. По поручению штаба синегорцев – *Амальгама*». Сбоку был нарисован знак – радуга со стрелой. – Вот уж ничего не пойму! – сказала Рима.

– Да и я не знаю, что это такое. Может быть, командованию показать? – А это который выходил, усатый такой, нашито много вот здесь... Он у вас главный командир? Капитан? – Не капитан, а мичман. Пора разбираться, Римочка. Антон Фёдорович Пашков. Известно: четыре узкие нашивки – это значит мичман, а шевроны углом на рукаве – это за сверхсрочную службу. Он еще в ту войну кондуктором¹¹ был.

– На поезде?

– При чем тут, извиняюсь, на поезде? На корабле. На по-

¹¹ Кондуктор – в российском флоте до 1917 г. старшее унтер-офицерское звание, получаемое после окончания обязательного срока службы; ближайший помощник офицеров-специалистов.

езде кондуктор, а на флоте кондуктор. Надо понимать.

А ремесленники шли усталые и злые. Юнги казались им бездельниками и щеголями. Не знали ремесленники Рыбачьего Затона, что эти аккуратно подобранные парни в бушлатах и в бескозырках хлебнули такого, что и не снилось затонским. Под огнем и бомбами финских самолетов ушли юнги с острова Валаама в Ладожском озере. Лютую голодную зиму провели они под осажденным Ленинградом. И немало их еще прошлой осенью пало в главном деле у Невской Дубровки, когда юнги, сами совсем еще мальчишки, задержали немецких десантников и отстояли важнейший рубеж до прибытия частей Красной армии. Не знали затонские, что у самого Вити Сташука с голоду умерла в ту зиму близ Нарвской заставы мать. Не подозревали затонские, что Серёжа Палихин в ледяной воде Ладоги своими руками отвел мину, на которую едва не наскочила шлюпка с балтийцами. Многого не знали ребята и с пренебрежительным как будто, а на самом деле с завистливым высокомерием посматривали на приезжих. Но юнги словно и внимания на них не обращали.

Глава 13

Вечер командора

Валерка и Тимсон ждали Капку у сада. Они встретились, как встречаются обычно мальчики, хорошо знающие друг друга, то есть без приветствий, рукопожатий и других церемониальных проволочек.

– Слыхал новость? – спросил Валерка, подстраиваясь на ходу, спотыкаясь и никак не попадая в ногу с шагающим Капкой. – Девчонки-то наши с этими флотскими ну прямо с ума тронулись.

– И пусть их, – буркнул Тимсон.

– Вы когда про них узнали? – не останавливаясь, спросил у Черепашкина Капка.

– Еще утром.

– Ну и как?

– Все в порядке. Послал приветствие. В восемь ноль-ноль. Колька отнес, Венькин брат.

– Исполнение проверил?

– Ну ясно. Доставил в срок. Дежурному сдал. Я сам видел с дерева.

– А чего написал?

– Ну, как Арсений Петрович нам говорил. Приветствие прибывшим. Как всем эвакуированным писали.

– Это хвалю.

– Только имей в виду, Капка, – Валерка сделал небольшую пробежку вперед, чтобы в темноте заглянуть в лицо Капке, – имей в виду – этот самый дежурный уже сестре твоей бумажку показывал. А она смеется. Ты ей ничего про нас не говорил?

– Не хватало еще! – возмутился Капка.

– Чего же она смешного нашла?.. И в кого только она у вас такая!

Валерка был возмущен до глубины души, что у Капки Бутырёва может быть такая сестра. Некоторое время шли молча. Потом Черепашкин несколько раз толкнул локтем в бок Тимку и переглянулся с ним. Тимсон кивнул головой, и Валерка решился.

– Собраться бы вообще надо, Капа! А то как-то дело у нас вянет. Правда, у меня всё тут записано. Показать?

– Покажешь потом как-нибудь.

Валерка опять переглянулся с Тимсоном.

– Капка, можно тебе от меня вот лично и вот от Тимки тоже – от нас обоих то есть – замечание сказать?.. Верно, Тимсон?

Тимка моргнул, качнув головой сверху вниз.

– Давай говори, – ответил Капка.

– Ты, Капа, последнее время манкируешь.

– Вот так так! Здравствуйте! Это я манкирую? – Капка даже приостановился.

– Да, да, манкируешь, спроси вот Тимсона... Да, Тимка?

– Точно, – отозвался Тимсон.

– Да ведь некогда мне, – начал Капка. – Знаешь, какая у нас работа. Особый заказ делаем. Вы бы как-нибудь пока без меня.

– Ты что же... – Валерка даже задохнулся на минуточку. – Ты что же, отрекаешься? Эх ты, а еще синегорец! Кто зарок давал, клятву говорил? Знаешь, Капка, это уж... это уж просто... Правда, Тимсон?

– Чего уж...

– Арсений Петрович, когда уезжал, как нам говорил? Кого назначил?

– Ну раз если так получилось! – виновато заговорил Капка. – Я же не отказываюсь навовсе, только командором сейчас мне нечего быть. Во-первых, я от пионеров уже отстал. Занятый, во-вторых, с утра до ночи. Теперь и выходные, говорят, у нас не будут целый месяц. Какой от меня толк вам? И потом еще как-то уж я... ну, это самое... ну, неловко получается. Мое такое дело теперь, что я уж из своих лет вышел. Опять-таки бригадир на производстве. Ребята узнают, так проходу мне не будет. Засмеют. Мне уже как-то не идет вроде. Деточка какой!

– Значит, мы деточки? Спасибо! – Валерка раскланялся. – Мерси. Ну, уж это, Капка, знаешь... Я считаю лично...

Правда, Тимсон?

– Уж да, – изрек Тимсон.

– Эх, узнал бы Арсений Петрович! Вот, как назло, писем

от него нет.

– Да я сам уже написал ему... – сказал Капка. – Адрес-то... ВМПС № 3756-Ф? Правильно? Не отвечает чего-то!

– Плохо без него, – заметил расстроенный вконец Валерка.

Тимка только рукой махнул. Они шли теперь по берегу.

Волга, темная и молчаливая, дышала сыростью из черной, глухой дали. Ни огонька не было вокруг. Темен и дремуч был весь этот огромный, сейчас казавшийся безбрежным волжский простор. А когда-то там, куда ухо дила, повернув от затона, Волга, небо по ночам всегда было словно приподнято, высоко расплывалось серебряное зарево. Это с правого берега отсвечивал в ночное небо тысячами своих бессонных огней большой город, город степной и волжской славы, гордый своим именем. Город был столицей этого края. Все в Затонске и вокруг тяготело к нему, все жило его славой, подобно тому как по ночам на всем лежали отсветы далеких огней великого города. Затонские редко называли его полным именем, но, когда кто-нибудь говорил: «Я вчера в городе был», – все и так знали, о чем идет речь.

Мальчишки шли молча, и все трое были удручены. Молчание было так томительно, что даже Тимка не выдержал.

– А Ходуле еще будет! – вдруг сказал он грозно. – Поймаю.

– Верно, Капа! – обрадовался Валерка. – Ты позволь Ходуле и всем свищёвским за тебя колотовку дать.

– Сказал, кажется, нет! – отрезал Капка.

– Ну, пока ты командор, так мы обязанные, а уйдешь, так уж как сами знаем... Я так считаю, Тимка.

– И дам! – заключил Тимсон.

Ребята проводили Капку до самого дома. Маленькая Нюшка была одна. Она уже давно вернулась из детского сада; Рима, уходя, уложила ее спать, но Нюшке было страшно и скучно спать одной. Не успел Капка зажечь коптилку, как Нюшка закричала:

– А я еще вовсе не сплю! – и, живенько перевернувшись на живот, сползла тотчас с высокой постели на пол. – Капка, а отгадай, чего я сегодня ела?

Капка, стянув гимнастерку через голову, плескался под рукомойником.

– У нас в саду сегодня баранки давали, с маком. Целую дали и еще откусочек вот такой. – И Нюшка показала из сложенной щепотки кончик грязного указательного пальца. – Капа, чур, я полотенце буду держать, можно?

Держать полотенце, когда брат умывается, придя домой с работы, было почетной обязанностью и священным правом Нюшки. Она стояла чуточку в стороне у лоханки, над которой согнулся умывающийся Капка. А мылся он совсем как отец: шумно отплевывался, дул, фыркал и яростно тер шею.

– Ой, только не брызни смотри! Ты только смотри не брызгайся! – сказала Нюшка, ёжась и замирая.

Она знала, что сейчас Капка сполоснет руки и непременно

но обдаст ее холодными, щекотными брызгами. И конечно, Капка брызнул, и Нюшка, делано визжа, бросив на руки брату полотенце, стала размазывать воду по лицу, заботливо вытирать рубашонку.

– Ну тебя... Всю избрызгал! Какой ты, Капка, баловной!

Потом Капка вынул из кармана тщательно завернутые в газету две черносливины.

– На́, Нюша, это у нас в столовке компот давали. Одна моя, а другая Шурки Васенина – он чернослив все равно не ест, дурной такой.

– А Рима мне сегодня колобушечку медовую купила.

И тебе одну оставила.

Колобушки из очищенных семечек подсолнуха, зажаренных на меду, были любимейшим лакомством затонских ребят. У Капки даже глаза разгорелись.

– А Рима-то ела сама? – спросил он, глотая набежавшую слюну.

– Ела, ела, правда ела! – заторопилась Нюшка, помня, что старшая сестра наказывала ей именно так ответить Капке.

А сама она глаз не сводила с зернистого шарика, который лежал на блюдечке, отливая медовым золотом.

– Капа... дай куснуть разочек...

– Нюшка, мне чего-то неохота, ешь все, – сказал Капка.

Нюша зажала рот обеими руками и замотала головой.

– М!.. М!.. Ешь сам, – промычала она в ладошку, отталкивая другой рукой брата.

Сошлись на том, что разделили колобушку пополам. Капка сел за стол, где Рима оставила для него хлеб, несколько запеченных в мундире картофелин, половину селедки. Всё это было заботливо укрыто обрывком газеты «Ударник Затонска».

– Почта сегодня не приходила? – спросил Капка, глядя в сторону.

– Нет, не приходила.

Капка незаметно вздохнул. Пятый месяц нет писем от отца. Плохо дело. Усталость, которую Капка прежде не ощущал, теперь вдруг разом легла на плечи, пригнула голову к столу.

– Капа, а мама скоро наша приедет?

– Скоро.

– А отчего она всё не едет и не едет?

– Нюшка, ты бы спать легла лучше, чем человеку мешать.

Видишь, кажется, человек кушает, а ты «тыр-тыр-тыр»...

Нюшка, положив локти на стол, прижавшись щекой к руке, смотрела боком и снизу, как он ест, крепкими пальцами облупливая картошку и тыкая ее в солонку. Нюша любила смотреть, как брат колет дрова, как он умывается, как ест. Она могла часами глядеть вот так. Всё это было очень интересно. Капка ел молча, старательно разжевывая, собирая крошки со стола в ладонь и отправляя их в рот. Так едят тяжело наработавшиеся за день люди, хорошо знающие, как достается человеку хлеб. Усталость понемножку отвалива-

лась. И Капке уже хотелось рассказать об училище, о работе в Затоне, о мастере Корнее Павловиче, о дураке Ходуле. Нужно же поделиться с кем-нибудь тем, что заполняло целый день и от чего никак не выпростать головы. Рассказать старшей сестре – эта не поймет как надо. Валерке и Тимсону следует говорить не так. С ними приходится говорить кратко и как о самом обыкновенном – подумаешь, мол, всё пустяки, – чтобы они чувствовали, каков человек Капка Бутырёв. А ведь хочется иногда по душам и всё как есть выложить. Вот был бы отец дома или Арсений Петрович, эти бы всё поняли как надо. А Нюшка хоть и мало что смыслила, но очень уж хорошо слушала, а главное, всему верила сразу.

– Вот у нас сегодня в инструментальном номер был! Есть один, Терентьев фамилия. Мишка. Двадцать седьмого года рождения.

– Ой, двадцать уже седьмого? – восторгалась Нюшка.

– Да... Шестнадцатый год пошел. И вот он вчера, понимаешь, четыре с половиной нормы выгнал.

– А!.. С половиной! – умилялась маленькая.

– Ну что, я тебе врать буду?

– А откуда он выгнал? – осмелев, решила наконец спросить ничего не понимавшая, но жадно слушавшая брата Нюшка.

– Э, рассказывай тебе! – махнул рукой Капка. – Иди спать лучше.

Нюшка уже зевала вовсю и терла глаза. Капка уложил ее

на кровать, где она обычно спала с Римой, прикрыл стеганым одеялом. Нюшка уцепилась за брата обеими руками:

– Ты только не уходи. Как буду спать, тогда только иди, ладно?

– Ладно, ты спи скорей. А то мне еще надо тети-Глашин примус починить.

Капка, сам зевая, сел на краю постели.

– Капка, а правда, если змею разрубить, то половинки опять сползутся? Мне Маруська сказала. Наврала, наверно, да?

– Слушай больше!

– А ты можешь в руки змею взять?

– А с какой радости ее брать?

– Ну нет, ты только, Капка, скажи: возьмешь или сбоишься?

– Надо будет, так и возьму. Спи ты!

Нюшке стало ужасно хорошо от безграничного уважения к брату. С ним, когда и темно, не страшно. Вот он, рядом, всех сильнее и самый смелый. Он ничего не боится. Он прямо руками может схватить змею. Нюшка открыла один глаз, убедилась, что Капка еще сидит на краю постели, и, успокоенная, заснула.

Капка еще с полчаса повозился над примусом тети Глаши, а потом задул коптилку и улегся на своей койке. Нюшка сквозь сон почувствовала, что брата уже нет рядом. Она села, прислушалась. В комнате было темно и жутко, громко

стучали ходики на стене. Ньюшка легла плашмя поперек постели, свесила ноги, поболтала ими в темноте, пока не нащупала пол, и, осторожно ступая босыми пятками, добралась до Капки. Она вскарабкалась на его койку, подвалилась тихонько, пристроилась под бочок. Капка громко и мерно дышал. Она тоже стала громко вбирать в себя воздух, тогда же, когда и он, чтобы дышать вместе. Сперва у нее это не вышло, она не дотянула, сорвалась, захлебнулась воздухом, а потом приноровилась, задышав громко и старательно в один лад со старшим братом, и вскоре уснула.

Через час вернулась из кино Рима. Витя Сташук проводил ее до угла их улицы. На первый раз этого было вполне достаточно, да, кроме того, увольнительная дана была юнгам только до десяти часов. Расставаясь, Сташук заботливо спросил:

– А вы, Рима, тут с курса не собьетесь? Смотрите, местность ведь у вас сильно пересеченная, можно и ноги поломать. Вы вот возьмите зажигалку, в случае чего посветить можно.

И как ни отнекивалась Рима, бравый юнга поймал ее за руку, почти насильно разжал пальцы и втиснул в ладонь теплую, согревшуюся в его руке зажигалку – подарок назойливого Ходули.

«Господи, и что это за привычка у них у всех зажигалки дарить?» – подумала про себя Рима.

Придя домой, она наскоро поела и осторожно перенесла Ньюшу на свою кровать. Капка не проснулся. Он спал, свесив с койки руку. Рима подняла ее и положила поверх одеяла. Рука у Капки была грубая, залубеневшая от работы, не по-мальчишья большая, широкопалая, совсем как у отца. Капка спал в майке-безрукавке, и у локтя, над самым сгибом, Рима заметила крохотный, нанесенный не то кислотой, не то краской значок: лук и стрела, чем-то обвитая...

Больше ничего не смогла рассмотреть Рима при слабом свете коптилки. Но она стала припоминать, что видела нечто похожее совсем недавно. Ну конечно, этот же значок был нарисован на том смешном и непонятном письме, которое какие-то мальчишки прислали югам! Неужели это Капкиных рук дело? Рима почувствовала себя взрослой, куда старше, чем брат, который воображает себя дома хозяином, а сам еще дурит с мальчишками. Она наклонилась над братом. Спит.

Устал, наверно. Им здорово сейчас достается. Он ничего парень, только уж больно научился командовать. А так ничего, другие мальчишки хуже. Хулиганят. А он ничего. Тяжело ему, верно, работать. Вон, не отмылся даже как следует.

И дышит трудно. Устал. Рима села на свою постель, уронила голову. Трудно без отца. Может быть, еще напишет. У Лиды Бельской отец полтора года пропал, а потом отыскался.

А вот мать уж никогда не вернется. Плохо, пусто, ох как

худо без мамы! Сейчас бы спросила: «Ну, Римочка, что в кино показывали? Из какой жизни? Домой одна шла? Небось провожал кто. Ах, красавица ты моя!..» И она бы рассказала маме, что картина была из жизни летчиков, очень видовая, а провожал ее до угла их улицы молодой военный моряк, юнга из-под Ленинграда, вежливый и ловкий... А сейчас и рассказать некому. Она сердито посмотрела на Капку.

Завалился спозаранок! Дождаться не мог. Ей вдруг сделалось очень грустно, одиноко и стало жалко себя. Она зарылась головой в подушку.

Нюшка открыла один глаз и сказала ей шепотом, тепло дыша в самое ухо:

– Рима, ты пришла! А я уже сплю.

А вожак затонских синегорцев, бригадир с Судоремонтного, спал, уткнувшись подбитым глазом в подушку, отбросив в сторону крепкую, плохо отмытую руку, где у локтя над самым сгибом темнел таинственный знак.

Глава 14

Встреча на переезде

Утром, когда Капка уходил в Затон, он увидел, что Рима растапливает печь знакомой зажигалкой.

– Римка, опять!

– Чего ты?.. Это мне флотский подарил. Юнга. Эх, вот ребята так ребята! Сто очков вам! А вы им всякие записочки посылаете... Он мне показал. Уж мы с ним смеялись-смеялись! Я думала сперва, что девчонки какие-нибудь набиваются, а оказывается, ты. Еще бригадир. «Я... я»! А сам как маленький.

– Рим-ма, – сказал Капка так, как будто в имени сестры было по крайней мере пять «м», – Рим-м-ма, смотри у меня! Я этому флотскому твоему ленточки пообрываю, так и знай!

Он схватил с шестка зажигалку и сунул ее в карман.

Пошел он сегодня в Затон не обычной дорогой, а сделал небольшой крюк, чтобы пройти мимо школы. Хотелось посмотреть на этих флотских. У школьного двора, несмотря на ранний час, уже толпились ребята. Припав к прозорам в ограде, они любовались диковинным зрелищем. На школьном дворе были уже устроены какие-то странные помосты с продольными углублениями. В них на маленьких не то тележках, не то салазках сидели юнги – друг другу в затылок. В руках у юнгов было по длинному веслу, положенному на

высокие кочетки. Седой длинноусый моряк с нашивками и орденами ходил вдоль помоста и командовал, а юнги, заносая назад вёсла, плавно и враз наклонялись вперед (причем тележки под ними скользили по рельсам), а потом резко откидывались спиной.

– Р-р-раз! – отсчитывал седоусый. – Навались! Ровно!

Палихин, загребной, не части!.. Р-р-раз!.. Дружно! От банки не отдирайся, хвостом не плюхай, сядь плотненько! Р-р-раз!

И юнги гребли, гребли посуху.

– Ай моряки! – кричали сквозь ограду зеваки. – Этак к вечеру до Астрахани уедете.

– Эй, флотские, гляди на мель не сядьте!

– Далеко ли плывете? А, моряки?

Юнги мрачно косились на ограду, но продолжали дружно работать веслами.

Как ни был гостеприимно настроен Капка, все же он остался в душе доволен, что флотским немножко посбивали спеси.

Встретив у табельной Ходулю, Капка подошел к нему и молча вручил зажигалку. Ходуля был так ошарашен, что долго не знал, как ответить, и невпопад выпалил несколько лермонтовских строк, все сразу:

– *О други, это... Коль не ошибся я... Блеснула шашка!*

Раз, – и два... – Он, не веря своим глазам, разглядывал заколдованную зажигалку, снова вернувшуюся к нему. – Ах,

флотский, флотский! Ну погоди!

В этот же день на переезде произошла памятная встреча. Ремесленники направлялись по случаю субботнего дня в баню. Они шли под присмотром Корнея Павловича Матунина. На них были шинели и на форменных фуражках буквы «Р» и «У». Капка Бутырёв шагал в самом заднем ряду – рост подвел бригадира. И у самого переезда, там, где шоссе пересекало заводскую железнодорожную ветку, ремесленников нагнали юнги, перешедшие пустырь. Их вел мичман сверхсрочной службы Антон Фёдорович Пашков. Юнги также шли в баню. Они были в черных морских шинелях, туго перехваченных кушаками, в бескозырках, пришлепнутых блином и сдвинутых на правую бровь.

Под мышкой у каждого был аккуратный сверточек с белым. И в первом ряду, звучно печатая шаг, шел юнга Виктор Сташук. Шедший с ним Серёжа Палихин, с лицом бледным, тонким, как у девушки, запевал высоким, чистым голосом:

Ты, моряк, красивый сам собою.
Тебе, моряк, всего лишь двадцать лет...
Не уезжай, побудь еще со мною...
Ну и каков же твой ответ?

И дружно, как один человек, откликнулась вся колонна юнгов:

По морям, по волнам!
Нынче здесь, завтра там...
По морям, морям-морям-морям!
Эх, нынче здесь, а завтра там!

Завидя еще издали флотских, Корней Павлович приосанился и прошелся пальцами по пуговицам своего драпового демисезона.

– А ну, заводские, затонские! – прикрикнул он. – А ну, волгари, ремесленнички! Подтянись. Кадровые, ходи поаккуратнее, чтоб перед моряками во всей форме пройти.

Дульков! Тебя что, это не касается?

Юнги также заметили идущих с пустыря затонских ремесленников. Мичман Пашков строго оглядел ряды своего войска.

– Твердо ногу, держи равнение! Разговорчики кончай!

Ать-два! Ать-два! Пускай видят мелководные, как балтийцы ходят.

Оба отряда прибавили ходу. Ремесленники не хотели пропустить юнгов к бане первыми. Но крупно шагающие морячки вскоре настигли затонских.

Когда колонны поравнялись одна с другой, юнги узнали во многих ремесленниках утренних обидчиков, которые дразнили их через ограду во время занятий по академической гребле.

– Ребята, – сообщил своим Виктор Сташук, – гляди, ру-

чок¹² какой в самом заднем ряду топает. Вот смех! Словно кадушка, честное слово... Эй, замыкающий, подбери корму, на мель сядешь!

И пошло, посыпалось:

– Ручок! Держись за шинель, а то выпадешь!

– Полы подбери, малый! Чего улицы метешь! В дворники записался, что ли? Шпиндель!..

А Сергей Палихин, запевала и озорник, громким своим голосом пропел:

Рано, рано поутру

Пастушок...

И все юнги подхватили, рявкая «в ногу»:

РУ! РУ! РУ! РУ!..

Капка не стерпел.

– Молчи, закройсь! – огрызнулся он, не поворачивая головы. – Моряки! Поперек борща на ложке плавали!

Ходуля, обозленный на всех моряков после коварства Римы, заметил, что у шагающих в последних рядах младших юнгов нет ленточек на бескозырках.

– Эй, стриженные моряки, тесемки-то еще не пришили?

– Что такое? – ответил за младших Сташук. – Я тебе вот

¹² Ручо́к – прозвище ученика ремесленного училища (РУ).

сейчас пришью!

Мичман Пашков, который вначале ограничивался лишь замечаниями вроде: «Разговорчики, разговорчики слышу в строю, разговорчики», – окончательно рассердился:

– Это что за базар такой? Слушай мою команду! Рота, стой!

У бани пришлось стать и дожидаться, когда кончат мыться военные курсанты. Мичман скомандовал своим «вольно».

– Стой, ребята! Повернись! – скомандовал и своим мастер Корней Павлович.

Обойдя голову колонны, он приблизился к Пашкову.

– Доброго здоровья. В нашей местности, значит, обучаться приехали, – заговорил он первым, как полагалось местному человеку при встрече с приезжим. – Очень приятно: Матунин, мастер.

Моряк козырнул:

– Пашков, мичман. Сверхсрочной службы. Будем знакомы. Нас сюда из-под Питера перевели. А вы, значит, на заводе тут, так получается?

– Именно. Молодые кадры готовлю. Помаленьку работают ребята. Дело свое делают. И довольно-таки неплохо, могу сказать. Так что я, извиняюсь, считаю, дразнить их неуместно со стороны флотских. Как по-вашему?

Мастер строгим взглядом окинул ряды юнгов.

– Точно! – сказал мичман. – Недопустимый факт.

Форменная ерунда. Не сознают положение. Какие тут мо-

гут быть дразнилки? Что вы, что мы – в одну точку долбим.

– Вы разрешите, я им по-своему два слова скажу?

– Очень хорошо будет, – согласился мичман. – В самый раз уместно. Рота, смирно, слушай!

Мастер подошел к морякам:

– Вот вы, ребята, как истинные, доподлинные сыны коренных моряков нашего Балтийского флота, должны сами понять, какое есть у нас теперь общее положение. Не в том суть, кто на воде, кто на тверди земной, а в том суть, что немца надо побить, шут его дери, паразита, совсем! И тут уж, конечно, никаких таких дразнилок у нас с вами допустить невозможно. Вот ребятки затонские, заводские наши, они есть, так сказать, поколение нового кадрового рабочего класса и приставлены к делу, каковое я вместе с их батьками достигал тут же, на Судоремонтном. Понятно? Понятно. В девятнадцатом году тут с Красной армией Царицын отстаивать ходили со всей, конечно, нашей затонской рабочей гвардией.

Понятно? Понятно. А вы нынче моих же, выходит, воспитомцев в смехотворный оборот ставите. Это никак невозможно.

Вот вам и ваш командир то же самое скажет.

Мичман Пашков поправил фуражку, одернул рукава с нашивками и шевронами, откашлялся и начал, обращаясь, впрочем, скорее к ремесленникам, чем к юнгам:

– Правильно говорит вам товарищ руководитель. Но хочу коснуться, по ходу действия, одного вопроса. Чтобы вышла

полная ясность. Кто в исторический момент, в октябре семнадцатого года, своим выстрелом дело решил? На это ответ имеется: крейсер «Аврора». На весь мир известный.

И кто был на том славном крейсере «Аврора» в этот исторический момент? Кондуктор Пашков был тогда на крейсере «Аврора» и не забудет вовек этой ночи и до деревянного бушлата, до гроба своего, будет гордиться ею. Выходит, мы с вашим товарищем руководителем с двух сторон на одну дорогу вместе пришли, одним курсом идем, и всякие, конечно, эти дразнения давно кончать надо.

Дул ветер с Волги. Гитарным строем гудели провода над линией. Ветер был теплый, но сильный. Он отворачивал полы шинелей у ремесленников и теребил ленточки юнгов.

Всё было уже хорошо, но мичман сам неосторожно чуть было не испортил дело под конец.

– Да, – промолвил он после паузы и расправил усы, – наше дело морское, конечно, тонкое, с ним, конечно, равнять что-либо трудно. У нас боевая флотская выучка строго поставлена... Между прочим, рота, можете стоять вольно... Ну, я говорю, вот, например, компас: ведь ежели спросить ваших ребят, то они и насчет азимута, секстанта или, скажем, к примеру, *девиации* вряд ли что соображают. Сташук!

Сташук сделал два шага вперед:

– Есть, товарищ мичман!

– Скажите мне, Сташук, что есть такое *девиация*?

– Девиация, товарищ мичман, есть отклонение оси маг-

нитной стрелки компаса от меридиана под влиянием каких-либо явлений, как, например, может быть...

– Гм, гм!.. – перебил его нахмурившийся Корней Павлович. – Ну, ежели насчет синус-косинуса, то у меня ребятки тоже, слава тебе господи, разбираются. Бутырёв Капитон! – вызвал он.

– Тут.

И Капка выскочил из строя.

– Ну-ка, Бутырёв, скажи ты товарищам флотским, какие, допустим, на свете бывают фрезы!

Капка оглядел юнгов, бросил мельком взгляд на своих, замерших в заметном волнении, и, набрав в грудь воздуха, так что шинель вздулась пузырем, начал:

– Фрезы бывают и употребляются: радиусные, цилиндрические, спиральные, конические, угловые, торцовые, хвостовые, фасонные, ступенчатые... И еще также прочие.

– Ну, хватит с тебя, Бутырёв, – заметил мастер. – Зайди обратно в ряд и стой покуда. М-да... А еще могу сказать, хотя лишь частично, чтобы не нарушить военного секрета, что вот эти мои ребятки хорошо ли, худо ли, а выполняют сейчас с превышением специальное задание. Да-с!

Кое-какие деликатные вещицы соображают.

Мичман приподнял мохнатые брови:

– А я так полагал, что вы по части ремонта судов там и всего хозяйства прочего.

– Числимся по этой статье рубрики, но... – Корней Павло-

вич лукаво прищурился, оглянулся и, снизив голос, продолжал: – Но ведь теперь знаете какое время. Военный момент. Вот, разрешите вам к случаю привести, рассказ такой ходит. Работал один человек на эдаком заводе вполне мирного обихода и домашнего назначения, ну, словом, детские кровати они выпускали. И вот, стало быть, как война началась, взяли его в армию, пошел он на фронт. Ну, повоевал маленько, но вскорости ранение получил. И через это его откомандировали обратно по излечении на тот же завод. И тут просит его один знакомый дружок-приятель:

«Никак, – говорит, – я ордера на кроватку получить не добьюсь, а сынишка из люльки вырос, так что пятки поверх торчмя торчат. Удружи, – говорит, – сообрази мне как-нибудь, по личному свойству, как мы есть с тобой старые знакомые и кумовья...» Ну, тот, значит, ему обещает похлопотать: «Поговорю, мол, с кем надо на заводе, а уж тебе по дружбе кровать сам соберу – первый сорт!» А работал он как раз, заметьте, в сборочном: по номерам, по деталям, готовые кровати собирал. Ну, стало быть, взялся он за дело. Номер к номеру ставит согласно инструкции, приворачивает... Что, понимаешь, за притча?.. Как ни ладит, как ни собирает, а всё вместо кровати пулемет получается!.. Вот какая, значит, история. Суть смысла понятна вам?

Мичман смеялся, слегка согнувшись, собрав усы в кулак. – Это вместо кровати-то?.. Пулемет! Ах ты...

Корней Павлович похохатывал, довольный успехом свое-

го рассказа, но вдруг оборвал смех, сурово кашлянул, одернул рукава и чуточку сконфуженно глянул на своих воспитанников: не сказал ли он чего-нибудь лишнего?

– Вот, стало быть, будем знакомы. М-да...

– Очень приятно, – отковырял мичман и рывкнул на своих: – Понятен разговор? То-то же!

Обе стороны были довольны, что не подкачали, каждый свое доказал.

А Волга вдали текла огромная и полноводная, конца-края не видно... По самые верхние ветви ушли в речку зазеленевшие деревья на затопленных островах, далеко на луговой берег, в поймы и займища, ушла разлившаяся громада воды, и мир, омытый этой щедрой и неистощимой влагой, был так свеж и неоглядим, так просторен, что всем тут хватало места – и своим и приезжим, и затонским и балтийским...

И, глядя на могучий покой, плывущий к морю, не верилось, что есть где-то всем этим краям чужеродные существа, которые замыслили прийти сюда, чтобы всё наше железом вмять в землю, а самим жадно хозяйничать на этих вольных берегах и владеть широкими водами.

Глава 15

Пионеры-синегорцы Рыбачьего Затона

Прошло пять дней. Валерка видел Капку лишь мельком.

Маленький бригадир почти не появлялся дома. В Затоне гнали срочное задание, и были дни, когда Капка даже ночевать не приходил домой и, сморившись, засыпал где-нибудь под опрокинутым дощаником прямо на заводской площадке. Он осунулся и словно бы вырос за эти несколько дней. И деликатный Валерка при молчаливом согласии Тимсона решил, что следует обождать и не тревожить командора.

Но на шестой день на трубе домика, где жили Бутырёвы, неожиданно появился флюгер. Дул низовой ветер, вертушка, к радости Нюши, долго ждавшей обещанную фырчалку, звонко гремела. Валерка сразу заметил этот условный сигнал и помчался к своему командору. Капки он не застал, командор уже ушел в Затон. Рима передала Черепашкину записку. Она была заклеена смолой, что, правда, не помешало Риме раскрыть ее и полюбопытствовать, о чем там говорится. Рима ничего не поняла. В записке без единой запятой было сказано:

«Амальгама зажигай Большой Костер где всегда в 9 *Изобар*».

Но Валерка все понял. Примчавшись домой, он сейчас же забрался на чердак, вылез оттуда через слуховое окно на крышу мезонина и, услышав, что на каланче у базара пробило восемь (это был час, когда синегорцы должны были наблюдать, не появится ли на горизонте условный сигнал), вынул карманное зеркальце и засверкал им. Проще было бы, конечно, сбегать к товарищам и оповестить их. Но Валерка свято берег сложные обычаи синегорцев и, пользуясь ясной погодой, решил прибегнуть к помощи солнечного телеграфа. Он недолго вертел зеркальцем, сидя на коньке крыши. Вот на другом конце улицы что-то блеснуло в ответ. Замигало, вспыхнуло зеркальце еще у одной трубы. И Валерка Черепашкин передал соседям, а те с крыши на крышу при помощи световой азбуки Морзе, что сегодня в девять назначен Большой Костер.

Все понимали, что произошло что-то крайне важное. Капка давно уже не созывал синегорцев на Большой Костер. После того как он пошел в училище и стал работать на заводе, командор как будто сторонился пионеров и тяготился своими обязанностями. Вообще вся затея как будто угасала после ухода в армию Арсения Петровича Гая. Ведь он и придумал все это, – собственно он, Валерий Черепашкин, Капка и Тимсон – все они вместе.

Началось это еще в прошлогоднем летнем лагере на Зеленом Острове. Сперва Арсений Петрович затеял там очень интересную игру в пионеров-мастеров. Каждый участник ее

должен был отличиться в каком-нибудь полезном деле. Звание Мастера после многих увлекательных испытаний и таинственных приключений, которые нарочно подстраивал Гай, давалось самым верным, храбрейшим и искуснейшим. А потом, когда готовились к общелагерному костру, придумали легенду о синегорцах. Синегорию открыл Валерка Черепашкин, а населил ее Великими Мастерами сам Арсений Петрович. И с этой сказкой о Синегории Валерка успешно выступал у костра, на смотре лагерной самодеятельности.

Но на том дело не кончилось. Ребятам захотелось продолжать игру, овеянную теперь высоким таинственным смыслом, открывшимся в рассказанной у костра легенде. И так как друзья наши продолжали встречаться в городском Доме пионеров с Арсением Петровичем, то они продолжали считать себя синегорцами. В игру вовлекались теперь и другие пионеры, не бывшие в лагере. Каждому отводилось соответственно его вкусам и наклонностям место в Синегории. То хорошее, что делал пионер в жизни, по-своему определяло его роль и положение у Лазоревых Гор; новую, тайную, биографию его придумывали сообща у костра. И славные, добрые, полезные дела, которые совершал каждый участник игры в жизни, заносились в летопись Синегории соответствующим образом и особым, сказочным шифром. Например, про мальчика, разводившего в Рыбачьем Затоне почтовых голубей, Валерка в своей летописи рассказывал как о Покорителе Подоблачных Гнезд. Пионер, вышедший победителем на

школьном шахматном турнире, принял в летописи Валерки звание Рыцаря Клетчатых Лат. Под его началом войска Синегории выгнали из ущелий Лазоревых Гор полчища Черных Коней. Лучший среди затонских пионеров собиратель металлического лома был в Синегории Будильником Вулканов и мог вернуть к бурной жизни самый заброшенный кратер. Трудолюбивый и спорый во всяком ремесле Капка стал оружейником Изо-баром. Большеглазый фантазер, летописец синегорцев Валерка превратился в Мастера Зеркал Амальгаму. Бахчевод Тимка принял имя: Дрон Садовая Голова.

И всегда в их делах побеждали отвага, верность и труд. Это стало девизом синегорцев. А на гербе Синегории появились: радуга, стрела и выюнок – знаки, тайный смысл которых станет вам ясным, если вы дочитаете эту книгу до конца и узнаете о судьбе Мастера Амальгамы и его возлюбленной. Продавец в базарном ларьке, где торговали галантереей, был весьма озадачен, когда в один прекрасный день у него раскупили разом все карманные зеркала. Он недоумевал, почему это затонских мальчишек обуяло вдруг такое повальное кокетство.

Ребята ценили прелесть тайны, и Арсений Петрович отлично понимал это. Гай говорил, что дела важнее славы, а слава придет с делами. После его отъезда на фронт дела, однако, не ладились, а теперь мальчишки уже прослышали от Черепашкина, что назначенный Гаем командор Капка намере-

вается уйти. Это всех очень тревожило. Потому мальчики с нетерпением ожидали вечера.

Островок, отрезанный от города рукавом Волги, который все звали прорáной, и почти весь залитый половодьем, носил у синегорцев прекрасное имя – остров Товарищества. Остров был песчаный, весь заросший ивняком, но посредине его вздымалась возвышенность. Выветрившийся известняк образовал здесь гряду утесов. Ветер выдул в них пещеры. В одной из них и собирались синегорцы.

К назначенному часу меж полузатопленных кустов и деревьев, обмакнувших свои ветви в струи Волги, стали пробираться лодки. Прорана была тут узкой, на лодке ее можно было переплыть минут за пять. Но нелегко было пробраться через затопленный ивняк до места, где находилась пещера. Лодки терлись бортами о тугие ветви, приходилось руками раздвигать кусты и, цепляясь за них, упершись ногами в днище шлюпки, подтягивать ее за собой. Шурша о плоские камешки, шлюпки вылезали носами на бережок, твердый и пористый.

День был свежий, солнечный с утра. А теперь небо было закрыто низкими тучами, и тьма сгустилась раньше времени. На берегу, у пещеры, Валерий Черепашкин проверял прибывших и принимал рапорты. В сумраке тускло поблескивали зеркала, которые каждый вынимал из кармана, сойдя на берег.

У всех мальчиков на рубашках темнели пионерские гал-

стуки.

– Отвага и Верность! – тихо говорил прибывший.

– Труд и Победа! – отзывался Черепашкин. – Будь готов!

– Всегда готов! – четко звучало в ответ.

– Сдай рапорт! – разрешал Черепашкин.

– Лому всякого, железок – сто двадцать кило, шурупчиков и гаек там разных – полторы кошелки, да еще рельса старая, не очень сильно ржавая, даже со шпалой...

Сколько весит, не знаю: больно тяжелая.

– Проходи, – говорил Валерка. – А ты с чем? – обращался он к другому.

– Был в госпитале, провел громкое чтение вслух, да еще две книжки про себя, сочинения писателя Марка Твена, очень интересные... Отвага и Верность!

– Труд и Победа! Проходи. Следующий.

– А я наклеил плакат против Ходули и прочих подобных срывщиков... Ходуля меня стукнул два раза...

– Проходи.

Вот уже прибыл Стёпушкин Кира, лучший в городе сборщик металлолома. Соскочил с лодки Коля Кудряшов, прославившийся в Затоне своей тимуровской заботой о малышах, желанный гость в каждом доме, откуда отец ушел воевать. Явился главный барабанщик Павлуша Марченко – этот отличился как неутомимый песенник в госпиталях, где он вместе с другими пионерами развлекал раненых. Уже сдали рапорты Начальник Охоты – юннат Веня Кунц, Рыцарь

Клетчатых Лат шахматист Юра Плотников и другие славные пионеры Рыбачьего Затона. Не было только самого Капки да Тимсона, который должен был сопровождать командора и ждал его на лодке у Рыбной пристани.

Долго не было Капки. А тьма все сгущалась, ветер порывами проносился в кустах, и деревья полоскали свои мокрые ветви в воде. Мальчики стали уже беспокоиться. Но вот зашкрипели уключины, раздвинулись кусты, и длинный острый нос рыбацкой лодки вылез, шурша о камни, на берег. Тимка соскочил с носа на землю и вытянулся. В левой руке он держал лодочную цепь, правой отдавал салют. Капка, балансируя, чтобы не упасть, перепрыгивая со скамьи на скамью, сошел на берег. Валерка шагнул ему навстречу и отсалютовал:

– Товарищ командор и Мастер Большого Костра! Пионеры-синегорцы Рыбачьего Затона собрались по вашему сигналу. Рапорты приняты и занесены в книгу. Зеркала проверены. Костер зажжен.

Капка поднял было руку для ответного салюта, но, не донеся ее до головы, тяжело махнул.

– Да ладно уж... – тихо произнес он.

Валерку покорило это пренебрежение к обычаям. Со всем по-другому, не так, не таким голосом, не теми словами должен был ответить командор.

Все молча прошли к пещере. У входа ее Кира Стёпушкин, почетный Хранитель Огня, уже разжег костер. Он еле заметно тлел под ржавым листом жести, потому что время было

военное и нельзя было палить огни – в районе проводилось затемнение, даже бакенов не зажигали на ходовом русле Волги. Ветер загонял дым костра в пещеру, ело глаза, но закон есть закон, обычай свят, и мальчики молча расселись вокруг небольшого возвышения, которое громко называлось Круглым Столом. Тимка стал у выхода на часах.

– Ребята... – начал тяжелым, осипшим голосом Капка.

«Плохо дело! Сейчас откажется», – подумал Валерка.

– Ребята, я сейчас вам... – Капка запнулся.

«Решил, все кончено», – догадался Черепашкин.

– Ну... мне приходится, – продолжал еле слышно Капка, – мне вышло сказать вам плохое...

Все замерли.

Капка опустил голову.

– Арсения Петровича убили, – проговорил он быстро, и горло у него перехватило.

– А-а-а! – глухим стоном прошло по кругу.

И стало ужасно тихо. Каждому казалось, что сердце его во мраке колотится о стены пещеры. Потом кто-то, еще словно

надеясь, спросил осторожно:

– Капка, ты правду говоришь?.. Ты верно это знаешь?.. Может, неизвестно еще... А, Капка? Может, это не так...

Но Капка замотал низко опущенной головой.

– Мне его мать из Саратова письмо написала. Ей похоронную уже прислали, – сказал он.

Было темно, и дым очень ел глаза, и некоторые всё откашливались.

– Ребята, – заговорил опять Капка, – конечно, горе. И даже очень большое. Хуже уж некуда. Таких, как Арсений Петрович, мало где сыщешь. А коли найдется, так для нас все равно лучше Арсения Петровича никто на свете не будет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.